

ЦРУ

ПРОТИВ

«КЛАССОВАЯ НЕНАВИСТЬ
БУРЖУАЗИИ НАХОДИТ
СВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ».

СССР

Н.Н.Яковлев

«ЦРУ ЗАЩИЩАЕТ
И ПЫТАЕТСЯ
РАСПРОСТРАНИТЬ
НА ВЕСЬ МИР
ПРИНЦИП,
ПОЛОЖЕННЫЙ
В ОСНОВУ
АМЕРИКАНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕН-
НОСТИ –
ЭКСПЛУАТАЦИЯ
ЧЕЛОВЕКА
ЧЕЛОВЕКОМ».

Николай Николаевич Яковлев

ЦРУ против СССР

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160562

Н.Н. Яковлев «ЦРУ против СССР»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

Книга известного советского историка профессора Н.Н.Яковлева состоит из двух частей. В первой рассказывается о подрывной работе ЦРУ против Советского Союза.

Вторая часть посвящена деятельности органов американского сыска - военной контрразведки, ФБР, АНБ и других, а также работе ЦРУ внутри США.

Книга насыщена фактами, мало известными широкому кругу читателей, в ее создании впервые использованы документы, показывающие историю ЦРУ с момента его основания в 1947 году.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	4
ЦРУ ПРОТИВ СССР	8
Необходимое пояснение	8
Война после войны	26
1	26
2	28
3	39
4	53
5	58
6	71
7	98
8	105
9	108
10	113
От УСС к ЦРУ	114
1	114
2	117
3	129
4	134
5	153
6	163
7	175
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Николай Николаевич Яковлев ЦРУ против СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга «ЦРУ против СССР» вызвала значительный интерес среди самых широких кругов читателей. В прогрессивной американской газете «Дейли Уорлд» в начале 1983 года появилась рецензия, названная «ЦРУ преследует двойную цель – против США и против СССР». Подчеркнуто рецензентом. «Книга Яковлева показывает, – писала газета, – что деятельность описанных им антисоветских элементов презрительна во всех отношениях и пагубна для интересов американского народа... Коротко говоря, психологическая и идеологическая война направлена также против народа США. Диссидентов импортируют в США как сардины в банках для внутреннего потребления. Их пропаганда в США, разумеется, не сможет поколебать Советский Союз. Но эти акции под эгидой ЦРУ направлены на то, чтобы ввести в заблуждение американцев... Прискорбно, что даже либерально настроенные люди, относящиеся критически к психологической, идеологической и подрывной работе ЦРУ, направлен-

ной против Советского Союза, не усматривают, что все это влечет за собой крайне пагубные последствия и для американского народа»¹.

Совершенно справедливое замечание, которое побудило дополнить это издание книги «ЦРУ против СССР» разбором деятельности ЦРУ и других американских карательных и сыскных ведомств внутри Соединенных Штатов. За основу второй части книги, где трактуются эти вопросы, взята работа «Под Железной Пятой», выпущенная издательством «Молодая гвардия» (1978 г.) под псевдонимом Николаев.

И еще одно замечание. В 1979 – 1980 годах в США двумя изданиями вышла книга «Россия и Соединенные Штаты. Американо-советские отношения с советской точки зрения»². Она была написана по просьбе издательства Чикагского университета профессорами Н. В. Сивачевым и Н. Н. Яковлевым с предисловием ректора МГУ Р. В. Хохлова. Н. В. Сивачев дал обзор предмета с конца XVIII века до начала второй мировой войны, главы с 1 сентября 1939 года по время выхода книги в свет – конец семидесятых – принадлежат Н. Н. Яковлеву.

На протяжении почти двух лет эта книга бесконечно рецензировалась во многих десятках американских журналов и газет. Известный в США проф. В. Вильямс, видимо, схва-

¹ «Daily World», January 6, 1983.

² Nikolai V. Sivachev and Nikolai N. Jakovlev. Russia and the United States. U. S. – Soviet Relations from the Soviet point of view. Chicago University Press, 1979, 1980.

тил ее суть, когда он написал в целом в положительной рецензии на книгу: авторы «подходят к проблеме прав человека так, что нельзя сомкнуть глаз до поздней ночи. Речь идет не о еде, жилище, одежде, голосовании и т. д., а о том, что указал процитированный в книге Джек Грин в связи с Американской революцией: „Каждому предоставлялось равное право становиться более неравным“. Тут нам наносится смертельный удар»³. Подчеркнуто рецензентом.

Контекст слов американского профессора Дж. Грина объяснен во вступлении во второй части нынешнего издания. В этом все дело. ЦРУ защищает и пытается распространить на весь мир принцип, положенный в основу американской государственности – эксплуатации человека человеком. Классовая ненависть буржуазии и находит свое выражение через ЦРУ.

Те, кто возглавляет это ведомство, отдают всю свою жизнь до конца служению «дела», их верность интересам американской правящей олигархии беспредельна. Две новейшие биографии «отца» ЦРУ генерала Донована проливают свет на менталитет тех, кто угрожает человечеству. Примерно за неделю до смерти Донована генеральный советник ЦРУ Л. Хьюстон в январе 1959 года привез его в штаб-квартиру ЦРУ почтить своим присутствием церемонию – в вестибюле ведомства вывесили портрет во весь рост Донована. При виде портрета, написал очевидец, угасавший старец «поднял

³ «In These Times», June 20 – 26, 1979.

голову, выпятил челюсть, выпрямился я стал по стойке смирно»⁴. Готов служить!

Он уже был давно не в своем уме, генерал Donovan. Так о чем же он мог думать на пороге встречи с вечностью? «Лежа в своей квартире в Нью-Йорке, он видел из окна мост Квинсборо, – припоминал Л. Хьюстон, – и в его помутневшем сознании представилось – через мост идут русские танки, намереваясь захватить Манхэттен»⁵. Умиравший бескровными губами звал к борьбе с «коммунизмом»...

Пусть образ этого «крестоносца» против коммунизма стоит перед мысленным взором читателя. Тогда обретет плоть и достоверность многое из того, что на первый взгляд выглядит сущим безумием в подрывной работе ЦРУ и Ко

⁴ A. Brown. The Last Hero. Wild Bill Donovan, N. Y. 1982, p. 833.

⁵ R. Dunlop. Donovan. America 's Master Spy, N. Y. 1982, p. 507.

ЦРУ ПРОТИВ СССР

Необходимое пояснение

Попытка объективного анализа современных западных спецслужб наталкивается на великие трудности. Исследователь и рассказчик продирается через дебри, зачастую становится в тупик, а иной раз буквально видит волчьи ямы. Трудности эти носят как концептуальный характер, так и связаны с поиском и отбором фактов. Хотя обозреваемый предмет, безусловно, существует самостоятельно, а порой имеет собственные движущие силы, работа спецслужб в конечном итоге не больше чем продолжение политики соответствующих правительств иными средствами. Во многих случаях, однако, работа эта такого характера, от которой официально и внешне убедительно отрещиваются те самые правительства. Уже по одной этой причине, не говоря о понятной секретности, ощущается нехватка фактов, каковые, как известно, воздух исследователя. Приходится буквально задыхаться. Больше того – дышать миазмами отравленной атмосферы, ибо, пожалуй, ни в одной сфере государственной деятельности Запада не прибегают так часто к дезинформации.

А вторгнуться в эту сферу настоятельно необходимо. Совершенно невозможно понять современный мир без учета

работы спецслужб, в данном случае ЦРУ США, которая затронула все человечество. Отнюдь не преувеличение.

В последние десятилетия деяния ЦРУ слишком хорошо известны во всем мире. Немало людей ныне с достаточными основаниями судят по ЦРУ о Соединенных Штатах. Репутация для этой страны сложилась, прямо скажем, неважная. Поэтому Вашингтон в последнее время определенно спохватился, принимает решительные меры по засекречиванию своей подрывной работы против других народов. А одновременно восхваляет ЦРУ.

...23 июня 1982 года у штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли царил праздничная атмосфера. «Сотни работников ЦРУ и другие собрались на поросшем травой холме, чтобы послушать президента Рейгана. Пока они ожидали, военный оркестр услаждал слух мелодиями военных песен. Сотрудники ЦРУ угощали пуншем корреспондентов». Рейган тем временем держал речь перед избранной аудиторией в зале в здании ЦРУ, вмещающем тысячу человек. О чем? Руководство ЦРУ отказалось сообщить.

Вслед за этим сияющий президент появился перед толпой – публично подписать новый закон о ЦРУ, принятый конгрессом. Свою речь он начал с веселой истории:

«Как-то возникла необходимость срочно связаться с агентом ЦРУ в Ирландии. Начальство в Вашингтоне приказало другому агенту:

– Немедленно выезжай в Ирландию. Имя того агента –

Мэрфи. Твой пароль: «Какой хороший день, но вечер будет еще лучше!»

Посланный приехал в Ирландию, нашел кабачок в указанном городишке, а там бар. Он уселся за стойкой, заказал выпивку и обратился к бармену:

– Как мне найти Мэрфи?

– Если вам нужен Мэрфи-фермер, то он живет в двух милях по дороге отсюда, в доме слева. Если вам нужен Мэрфи-сапожник, то он живет на втором этаже в доме напротив. Да, моя фамилия также Мэрфи.

Агент выпил и сказал:

– Какой хороший день, но вечер будет еще лучше!

– А, – воскликнул бармен, – так вам нужен Мэрфи-шпион!»

Президент сорвал порядочные аплодисменты. Переждал, насупился и с большой серьезностью сообщил: подобное не повторится. Он присовокупил: сотрудники ЦРУ все вместе – «герои мрачной борьбы в сумерках» и наговорил в их адрес немало лестных слов. А чтобы в дальнейшем, надо думать, персонально не распределялись лавры работникам ведомства, Рейган на их глазах подписал закон – до 10 лет тюрьмы и до 50 тысяч долларов штрафа тому, кто поименно назовет «героя» из ЦРУ, даже в том случае, подчеркнула «Вашингтон пост», «если эта информация почерпнута из опубликованного источника»⁶.

⁶ «The Washington Post», June 24, 1982.

Закон от 23 июня 1982 года лишь один из многих слов густой завесы, опущенной в последнее время правительством США над ЦРУ и его работой. Систематической дезинформации и частичных умолчаний о ЦРУ ныне признано недостаточно. Значит, есть что скрывать!

Классик американской подрывной работы и шпионажа (да, да, эта отрасль настолько разрослась, что обзавелась классиками) А. Даллес энергично закончил труд своей жизни «Искусство разведки». «Военную угрозу в ракетно-ядерный век хорошо понимают, и мы справедливо тратим миллиарды долларов, чтобы противостоять ей. Таким образом, мы должны относиться ко всем аспектам тайной войны... Самое последнее, на что мы можем пойти, – заковать в цепи нашу разведку. Ее функции защиты и информации необходимы в эру исключительной и постоянной опасности»⁷. В этом суждении много примечательного – как указание на стоимость разведки (не дешевле межконтинентальных ракет и термоядерных бомб), так и семантическая нагрузка сказанного.

Человек знающий, в прошлом главный офицер связи Пентагона с ЦРУ, Ф. Праути в редчайший момент истины в середине семидесятых годов на исходе Вьетнама и в преддверии Уотергейта заявил по поводу именно этих слов А. Даллеса: «Заключительное, итоговое положение книги старого хозяина – лучший пример того, как разведывательное сообщество считает нужным жить в ядерный век. Они хотят, что-

⁷ A. Dulles. The Craft of Intelligence, N. Y., 1963, p. 264.

бы мы располагали самой дорогой и разветвленной разведкой, имеющей возможности автоматически парировать все, что представляется им угрозой. Хотя Аллен Даллес не сказал этого в своей книге, его концепция разведки предусматривает: 10 процентов обычной разведки и 90 процентов тайной подрывной работы. Другими словами, мы должны, по мысли Даллеса, быть круглосуточно заняты по всему миру, противодействуя по „всем аспектам тайной войны“. Под этим он имеет в виду вмешательство во внутренние дела других стран независимо от того, знают или разрешают они это. Именно этим и занимались Соединенные Штаты во всевозрастающей степени, начиная от вмешательства в Берлине и Иране в сороковые годы. Кульминационной точкой этого образа действия была страшная катастрофа во Вьетнаме, где дело началось с крупной операции силами разведки, затем наступила стадия тайной подрывной работы, неизбежно перешедшая в открытую войну в эру Джонсона»⁸.

Почему Ф. Праути озарили светлые мысли – понятно. Он писал в 1973 году, когда в США с негодованием подбивали пассив войны во Вьетнаме. Приводились различные подсчеты, разобравшись с ними, Р. Зигфорд (в неопубликованной диссертации «Риторика войны во Вьетнаме: президенты Никсон и Джонсон», защищенной в университете Миннесоты в год выхода книги Ф. Праути) заключил: «Как бы

⁸ F. Prouty. The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World, Englewood Cliffs, 1973, pp. 66 – 67.

ни рознились оценки, прямая и косвенная стоимость войны во Вьетнаме для США в долларах и центах примерно 350 миллиардов долларов»⁹. Дорого! Конечно, как подобает в сверхпрагматических Соединенных Штатах, людские жизни, в первую очередь вьетнамцы, не в счет.

В 1978 году, когда шок прошел, бывший директор ЦРУ У. Колби спокойно разъяснил: в семидесятые годы расходы на подрывную работу ЦРУ «быстро уменьшались. ЦРУ урезало свои траты на политические и квазивоенные операции до такой степени, что затраты на подрывную работу, мертвым грузом давившие на бюджет ЦРУ, отнимавшие более 50 процентов его в пятидесятые и шестидесятые годы, упали менее чем до 5 процентов». Что, уменьшение расходов на эти цели? Вовсе нет. Затраты на подрывную работу просто стали проводить и по статьям других ведомств. Не кто другой, как сам У. Колби, указал, как ЦРУ дошло до жизни такой: «Расходы практически на все политические и квазивоенные операции... взял Пентагон», а как «финансировать, например, радиостанции „Свободная Европа“, „Свобода“, „Фонд Азии“, решают государственный департамент и конгресс»¹⁰. Сообщил все это У. Колби также в труде жизни «Люди чести. Моя жизнь в ЦРУ», пространных и дурно написанных

⁹ R. Sigford. *The Phetoric of the Vietnam War; Presidents Johnson and Nixon*. University of Minnesota. Ph. D. 1973. p. 193.

¹⁰ W. Co1by and P. Forbath. *Honorable Men. My Life in the CIA*. N. Y., 1978, pp. 300 – 301.

мемуарах.

Для заголовка он повторил изречение равного – предшественника в кресле директора ЦРУ Р. Хелмса, который в начале семидесятых годов публично заверил усомнившихся в добродетелях ведомства: «Вы должны доверять нам. Мы люди чести». Случилось так, что через очень короткое время Хелмса засекали на лжесвидетельстве перед законодательным органом – конгрессом, за что перед обычным американцем маячат штраф и тюрьма. Но деятели ЦРУ неподвластны законам заокеанской «демократии». Когда Хелмса все же вызвали в суд, он с адвокатом решительно высказался против осуждения, ибо «оно оставит шрам на всю жизнь». Суд внял просьбе, оштрафовав в ноябре 1977 года Хелмса на две тысячи долларов по удивительному поводу, – вместо состава преступления «лжесвидетельство» сочинив не предусмотренный уголовным кодексом проступок: нежелание дать «полные, исчерпывающие и точные показания» конгрессу.

Как ядовито заметил журнал «Нэйшн» 19 ноября 1977 года, в лице Хелмса власть защищала себя, ибо при желании на несостоявшемся «процессе бывший директор ЦРУ мог бы предъявить для юридической стирки громадный узел грязного белья. Среди прочего для всеобщего обозрения были бы выставлены запачканные до изумления рубашки Генри Киссинджера». Отпущенный из зала суда только с символическим по размерам содеянного штрафом, Хелмс, продол-

жает журнал, «разговорился с журналистами, и тот „шрам“ чудесным образом превратился в „знак чести“ и даже в „знамя“, присовокупил лукавый адвокат»¹¹. Для ЦРУ успешно отбить покушения, откуда бы они ни проистекали, разобратся в сути системы правления в США никак не меньше, чем дело чести. Для того, помимо прочего, оно и существует. Но мы отвлеклись.

Нет более глубокого заблуждения, чем представлять ЦРУ как только орган разведки и контрразведки. Какие бы поправки ни вносил Колби, верна пропорция, указанная Ф. Праути со ссылкой на авторитет А. Даллеса – разведка в прямом смысле, вероятно, составляет 10 процентов или немного больше забот ЦРУ. Если бы было иначе, тогда незачем было вообще создавать ЦРУ. У США, как мы увидим дальше, в достатке разведывательных органов – по грубым подсчетам, около десяти. Кеннан, политический мыслитель по призванию, дипломат, справедливо заметил в книге «Облако опасности. Нынешние реалии американской внешней политики» (1977): «Разведка как таковая была нормальной функцией государств задолго до возникновения Советского Союза или Соединенных Штатов, и чистейшая утопия надеяться на ее полное исчезновение. Но всему должны быть пределы». Какие? «Я сам был свидетелем, – пишет Кеннан, – того, как американские разведывательные власти раз за разом проводили или пытались проводить операции, которые

¹¹ «The Nation», November 19, 1977, p. 514.

не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но сами возможности достичь лучшего взаимопонимания между двумя правительствами»¹². Сказанное только слабая тень того, что следует заявить о политике, проводящейся Вашингтоном руками ЦРУ.

Это, конечно, не только и не столько разведка. На ЦРУ возложена задача ведения так называемой «психологической войны», на нее и идет условно 90 процентов ресурсов исполинского ведомства. «Психологическая война» в служебных наставлениях американских спецслужб определяется так: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается и увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов»¹³. Надо думать, определение классическое, отнюдь не потускневшее с годами.

¹² G. Kennan. *The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy*. Boston, 1977, pp. 212, 210.

¹³ «War Report of the Office of Strategic Services». Washington 1949, p. 99.

Перечисленные методы «психологической войны» однозначны попыткам подорвать государственный строй государства, избранного его целью, и в конечном счете свергнуть его. Шпионаж – производное и подчиненное этой цели. Острые «психологической войны», которую ведет Вашингтон руками ЦРУ, направлено против Советского Союза. В этом смысл создания и существования ЦРУ – организации, не имеющей прецедента во всей истории организованного человеческого общества.

В широком плане ЦРУ – один из важнейших и, вероятно, самый острый инструмент правящей элиты США для переделки мира по американскому образцу, насаждения в нем порядков, угодных Вашингтону.

Независимо от тона и раскраски официальной риторики ораторов республики, лежащей за Атлантикой, господствующая американская политическая традиция – нетерпимость. Она восходит к тем временам, когда отцы-пилигримы, не ужившиеся в Старом Свете, уплыли за океан строить государство в соответствии со своими взглядами. Уже тогда сформировалось узколобое мировоззрение – либо «мы», либо «они». Вдумчивый наблюдатель в наши дни без труда определит: выступая на словах за политический плюрализм, государственные деятели США не терпят его на практике, почитая единственно возможной и превосходной во всех отношениях только форму правления, существующую в Соединенных Штатах. Отсюда по причинам, коренящим-

ся в этой наиглавнейшей американской политической традиции, неизбежен перманентный конфликт Соединенных Штатов со всем миром. Функциональная роль ЦРУ – сделать все, чтобы разрешить этот конфликт в пользу США.

Нетерпимость во всем – как вне пределов земли великолепной «демократии», так и внутри ее. Поистине нравы сектантов. Что исходит от Белого дома, почитается мудростью в конечной инстанции. Незачем уходить далеко в прошлое, только недавние примеры. Президент Л. Джонсон положил критерием пригодности кандидатов на высшие государственные посты следующее: «Мне нужна не верность вообще. Мне нужна такая верность, когда целуют мой зад при полном освещении и восклицают – пахнет как роза»¹⁴. Хорошо, а как средства массовой информации, пресловутая пресса? Ведь пишут разное! Да, пишут, только высшая честь для американского журналиста – быть аккредитованным при дворе президента, а там, с отвращением заметил газетчик не из избранных, «боже мой, взгляните, как типы вроде Миарса (У. Миарс, представитель Ассошиэйтед Пресс) и Семпла (У. Семпл от „Нью-Йорк Таймс“) ползают на брюхе и целуют зад Рона Зиглера (представитель Белого дома по связи с прессой при Никсоне)»¹⁵. Иначе и быть не может, «психологическая война» обращена и внутрь страны в интересах утверждения

¹⁴ D. Halberstam. *The Best and the Brightest*. N. Y., 1973, p. 526.

¹⁵ H. Thompson. *Fear and Loathing: On the Campaign Trail 72*, N. Y., 1973, pp. 403 – 404.

крайнего конформизма.

Чемпионы конформизма, естественно, высшие должностные лица США. Они постоянно подают пример в этом отношении, буквально преклоняясь перед американскими органами политического сыска. Р. Рейган, например, познакомился со своей будущей супругой, актрисой Нэнси, при драматических обстоятельствах. В 1951 году, рассказала «Вашингтон пост» осенью 1982 года, ее имя появилось «в списке левых», опубликованном газетой «Голливуд стизен ньюс». Она бросилась за защитой к Рейгану, тогда президенту профсоюза актеров кино. Он уже считался знатоком проблемы – вместе с инквизиторами из комитета конгресса изгонял «коммунистов» с работы в Голливуде. «Годы спустя, – эпически повествует „Вашингтон пост“, – Нэнси Рейган призналась, что ее желание лично встретиться с Рейганом перевесило страх быть ложно обвиненной в том, что она коммунистка».

Рейган, проверив прошлое Нэнси, заверил ее в полной благонадежности. А в 1952 году они сочетались браком, благонамеренные актеры...¹⁶

Дж. Форд в мемуарах повествовал с нескрываемой гордостью, что перед назначением вице-президентом в 1973 году он «подвергся самой тщательной проверке» со стороны органов политического сыска. Только ФБР отрядило для этого 350 агентов! Дж. Форд усматривает в этом великую пользу

¹⁶ «The Washington Post», September 12, 1982.

для США. В общем, превозносить ЦРУ, ФБР и К^о для высших в США чуть ли не гражданская доблесть¹⁷.

Но известно, что в США писали и пишут о ЦРУ и даже «расследовали» вместе с другими органами политического сыска деятельность ведомства. Посмотрим!

Эмоциональную волну негодования, взметнувшуюся было в середине семидесятых годов в США в результате «расследований» спецслужб, к нашим дням почти целиком поглотили разветвленные каналы американской государственности. Теперь, когда даже пена той волны скрылась в бездонных клоаках «демократии», можно без труда обозреть твердые остатки, вынесенные ею на поверхность из административных трущоб ЦРУ, ФБР и КО. Сразу впечатляет феномен – «расследователи» накладывали руку не на то, что хотели или что хотя бы плохо лежит, а получили в основном только, те факты, которые считали возможным предать огласке государственное руководство и спецслужбы. Пестрые, иные устрашающего свойства, но неизменно пропущенные через сито придирчивой политической цензуры.

По поводу этой добычи и ломались копыя на беспримерном ристалище, устроенном не только американскими, но и западными средствами массовой информации. Отныне американцы в дозволенных рамках знают и достаточно возмутились ставшими общим достоянием тщательно отобранными сведениями о функционировании карательной системы

¹⁷ G. Ford. A Time to Heal, N. Y., 1980, p. 106.

в США, американской разведки, опытах над людьми с целью поставить под контроль их поведение. Были произнесены надлежащие страшные слова в осуждение недостойной практики, но все же в чем коренная цель всей этой кампании в конечном счете в predeterminedных свыше рамках? Не будет преувеличением сказать, что достаточно подробный обзор (со зловещими недомолвками), скажем, об усилиях поставить под контроль разум, и есть существенная часть работы по установлению этого контроля в самых широких масштабах. По крайней мере, инакомыслящие в США сим предупреждены, что их ждет. Не будет преувеличением сказать: задача всего этого спектакля – запугать мир, показав, кто караулит классовое господство капитала. Особенно вне границ заокеанской «демократии».

Американский журнал, избравший своим названием «Прогрессив», а посему высказывающий приличествующие заголовку суждения, заметил по поводу «расследований» на Капитолийском холме: «Отчеты о них подверглись жестокой цензуре. Сенатский комитет был довольно откровенен в отношении нарушений законов и эксцессов ФБР, но почти льстил в некоторых своих оценках ЦРУ... „Самое хорошее в этом деле, что оно позади, – возгласил сенатор от штата Теннесси Х. Бейкер по поводу пятнадцатимесячного расследования, когда наступил великий момент его завершения. – Мы закончили и мы провели расследование, не нанеся никакого ущерба, никакого урона соответствующим ведомствам“

¹⁸. Какой тут урон, скорее реклама! И очень устрашающего свойства, в первую голову для самих американцев, отлично знающих, что поджидает слушников «закона и порядка».

А простак, которые, вдохновившись было «расследованиями», попытались защитить погранные законы и свои права? Бесчинства ФБР на рубеже шестидесятых и семидесятых годов вынудили прокуратуру возбудить дело против тогдашнего директора ФБР П. Грея и двух высоких чинов ведомства: М. Фелта и Э. Миллера. В конце 1980 года Грей был отпущен восвояси за «отсутствием улик». Двое других все же предстали перед судом – выяснилось, что они давали указания агентам ФБР проникать со взломом в жилища американцев и санкционировали немало иных противозаконных мер. Хотя за такие деяния предусмотрены длительные сроки тюремного заключения, суд ограничился весьма умеренным штрафом – 8500 долларов на двоих.

Президент Рейган нашел это нетерпимым. В апреле 1981 года он простил осужденных, заявив: они-де «не имели преступных намерений!». Прокурор, поддержавший обвинение в суде, огорчился: «Мы именно это и доказали во время двухмесячного процесса... Теперь правительство прощает себя за нарушение гражданских прав» ¹⁹. В общем, в США, когда речь идет о преступлениях органов политического

¹⁸ The Intelligence Investigations: Congress Cops Out, «The Progressive», July 1976, pp. 16 – 17.

¹⁹ «Newsweek», April 27, 1981, p. 46.

сыска, законности нет и быть не может.

В чем убедился наивный владелец фотостудии в городе Фэрфакс. Из материалов «расследований» в 1975 году он узнал, что агенты ЦРУ вместе с полицией в 1971 году проникли со взломом в его студию. Оценив ущерб в 12 миллионов долларов, владелец подал в суд. В 1977 году суд отверг его иск. Но в распрекрасной демократии на счету каждый цент, посему городские власти Фэрфакса потребовали возместить их судебные издержки, когда они отбивались от страстного законолюбца, обвинявшего вместе с ЦРУ и полицию. В сентябре 1982 года конгресс возместил убытки городу, ассигновав 41 тысячу долларов. Ведомственная законность восторжествовала, а обиженный истец навсегда остался с носом!²⁰

На этом фоне смехотворными выглядят стенания бывшего президента США Р. Никсона, который писал в 1980 году в своей книге «Настоящая война»: «По пятам за сенсационными расследованиями конгресса мы вырвали клыки и деморализовали ЦРУ». Разогнался еще на двухстах с лишним страницах книги и добавил: «Мы кастрировали ЦРУ и другие разведывательные ведомства»²¹.

То, что просто пожелание на кончике пера экс-президента, выливается в действия президента у власти – Р. Рейгана. Уже при первых вестях из Белого дома о том, что он на-

²⁰ «The Washington Post», September 14, 1982.

²¹ R. Nixon. The Real War, N. Y., 1980, p. 40, 264.

меревается укрепить ЦРУ, газетчики смекнули: расширятся, помимо прочего, функции «бюрократии», которую кляли республиканцы, домогаясь власти на президентских выборах 1980 года. На обеде с редакторами газет 17 октября 1981 года Рейгана спросили в лоб – как это согласуется с обещаниями «снять бремя правительства с плеч народа». Он поморщился: «Не видите, я кушаю», – и поручил кушавшему рядом помощнику Э. Мизу ответить.

Миз сначала вытер, а затем открыл рот: «Давайте-ка поговорим о ЦРУ, это легче всего». Скороговоркой объяснил, что никто не собирается «расширять» функции ЦРУ. «Все это абсолютная ложь, пропаганда, которой занимаются некоторые чиновники на Капитолийском холме, в свое время обслуживавшие тот позорный комитет Фрэнка Черча в сенате по вопросам разведки. Именно он несколько лет назад нанес такой ущерб нашим разведывательным органам».

Корреспондент «Вашингтон пост», присутствовавший на этом обеде, съязвил в своей газете: «Похоже на то, что немало людей в нашем стольном граде не умеют читать». Засим он процитировал слова из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «Год 1984», рисующего грядущее государство абсолютного подавления: «Кто контролирует прошлое, – гласил партийный лозунг, – контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым... Все просто. Единственное, что необходимо, – бесконечная цепь побед

над собственной памятью»²².

Журналист, надо думать, полагает, что это страшное время уже приходит в США раньше срока, обозначенного в заголовке футурологической сатиры Оруэлла. ЦРУ сделало немало для того, чтобы исполнились самые мрачные пророчества.

* * *

Подрывная работа ЦРУ, как видим, в возрастающей степени засекречивается. Усилия администрации Рейгана похожи, однако, на поведение страуса, прячущего голову в песок. Но дела-то не скрыть, ибо слишком памятна история ЦРУ.

В наше время, по всей вероятности, не откладывая в сторону других средств, ЦРУ в отношении СССР и других социалистических стран употребляет особые усилия в области идеологии. Выбор в пользу сосредоточения внимания на этом аспекте «психологической войны» был сделан по ряду причин, частично не зависящих от воли руководства ведомства. Почему? Небесполезно разобраться.

Попытаемся осветить именно этот аспект деятельности ЦРУ. Полностью вычленив его из общей картины подрывной работы западных спецслужб совершенно невозможно, поэтому неизбежно затрагиваются и другие вопросы.

²² «The Washington Post», November 13, 1981.

Война после войны

1

Эпохальный и сурово величественный был год 1947-й в истории нашей Отчизны. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной на теле Родины, – по осени уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими и точными строчками ЦСУ крылся гигантский труд народа по восстановлению сметенного и разрушенного войной на западе традиционной территории России, где и разыгрались исполинские сражения Великой Отечественной.

На пепелищах городов и сел, заводов и фабрик возрождалась мирная жизнь, которую строили вчерашние солдаты. Рабочими спецовками стали шинели, ватники, гимнастерки, списанные как б/у рачительными старшинами. Их, пропитанные порохом и хранившие пыль Европы, донашивала армия строителей-созидателей. Жить было трудно, проблемы, стоявшие перед страной, были гигантскими. Иного не было дано, собственными и только собственными силами прочно поставить на ноги государство, чтобы уверенно смотреть в будущее. Быстрее вернуть нормальную жизнь народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории.

Советские люди заслужили, завоевали право на резкий

подъем жизненного уровня, наконец, отдых после сокрушительных тягот войны. Хотя делалось все возможное, работы оставался край непочатый. Дело было не только в наследии войны, напоминавшей о себе на каждом шагу. Ресурсы страны и после победы отвлекали военные, теперь именовавшиеся оборонными, нужды. Они властно напоминали о себе, когда еще не смолкли орудия Красной Армии. Вспышки ярче миллиона солнц – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки – сурово предостерегли все человечество, на что способен вооруженный по последнему слову науки империализм. Пришлось уже на рубеже войны и мира изыскивать и бросать громадные средства на создание новых дорогостоящих систем вооружения, в первую очередь атомного. А на счету был каждый рубль! Это не могло не затронуть жизнь всех советских людей, неизбежно сказывалось во всем и на всех.

В 1947 году генерал-полковник Е. И. Смирнов, возглавлявший медицинскую службу Вооруженных Сил в войну, как и многие, сменил военный мундир на штатский костюм. Ему, великолепному организатору гигантского дела в годы вооруженной борьбы, теперь был доверен пост министра здравоохранения СССР. Он принес в министерство свой богатый опыт – ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвращавшихся в строй по излечении от ран, страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний. Представитель гуманной профессии,

Е. И. Смирнов со свойственной ему энергией взялся за постановку послевоенного здравоохранения. Он объезжал разоренные области и был потрясен. В Донбассе, в Макеевке, в больнице не могли предложить больным иной посуды, кроме консервных банок. Эти самые банки с загнутыми краями в руках больных были перед мысленным взором министра, когда он докладывал о первоочередных нуждах здравоохранения правительству. Нужны деньги. Их отпускали, но далеко не в нужных размерах. Министр бушевал, доказывал очевидное, но без большого успеха. И. В. Сталин, признав его заботу, безусловно, законной, указал: Смирнову, по должности знавшему о разработке атомного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства.

Удовлетворение многих и очень многих кричащих нужд откладывалось. Но другого выхода не было. Над советским народом, спасшим цивилизацию и себя, снова нависла смертельная угроза.

2

Тогда в мире была единственная страна, располагавшая избыточными ресурсами, – Соединенные Штаты. Они не пострадали, а, напротив, расцвели в те годы, когда на полях сражений решались судьбы человечества. Мы находились в войне в одном строю, однако наш и американский вклады в нее оказались различными. На американской земле не

разорвалось ни одного снаряда, ни один дом не был разрушен. Мы потеряли 20 миллионов бесконечно дорогих жизней, американцы – 400 тысяч человек. На каждых 50 погибших советских людей приходился один американец. В своих работах, относящихся к истории второй мировой войны, я неоднократно прибегал к этому сравнению. Некоторые заокеанские историки, отнюдь не разделяющие наших взглядов, тем не менее не могут не признать справедливости этого сопоставления, хотя, разумеется, с не очень большой охотой. Американский историк профессор Дж. Гэддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты. Опыт интерпретации» (1978), сославшись на одну из моих работ, заметил: «Автор хотя и подчеркнуто, но точно указал – на каждого американца, убитого в войне, приходилось пятьдесят умерших русских»²³.

Совершенно различными оказались материальные потери. Война унесла треть нашего национального богатства. Вспомним: такую же долю национального богатства потеряла наша Родина в результате первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны. В цифрах утраченное нами в 1941-1945 годах выглядит следующим образом. По тогдашнему курсу война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов (учитывая стоимость разрушенного). Военные расходы США на вторую мировую войну – 330 миллиардов дол-

²³ J. Gaddis. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive history, N. Y., 1978, pp. 154 – 155.

ларов. США оказывали противникам держав «оси» помощь по ленд-лизу, истратив на это 43,6 миллиарда долларов. Поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили около 10 миллиардов долларов, или примерно 3,5 процента от общих военных расходов США в годы второй мировой войны. Вот эту цифру – 3,5 процента, точно отражающую вклад Соединенных Штатов в исполинские сражения на основном фронте борьбы против Германии и ее союзников, нужно всегда помнить, когда мы мысленно возвращаемся к боевому сотрудничеству наших стран в те годы.

В первые послевоенные годы Советский Союз посетило немало влиятельных или известных в своей стране американцев. Их тепло встречали, памятуя о недавнем военном сотрудничестве. Иных из них принимал или отвечал на их вопросы И. В. Сталин. Корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Х. Бейли, спросившему, «заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов», И. В. Сталин 29 октября 1946 года ответил: «Заинтересована».

Х. Бейли деловито осведомился: «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России?». Ответ: «Шесть-семь лет, если не больше»²⁴.

Сын президента Франклина Д. Рузвельта Э. Рузвельт 21 декабря 1946 года в интервью с И. В. Сталиным поставил вопрос по-иному: «Если между Соединенными Штатами и Со-

²⁴ «Известия», 1946, 29 октября.

ветским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?», на что получил ответ: «Система таких кредитов, бесспорно, взаимно выгодна как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу»²⁵.

Логика уже не очень молодого, а следовательно, способного соображать отпрыска покойного президента была поразительна: что могут еще получить разбогатевшие Соединенные Штаты от израненного войной Советского Союза! Как будто мало того, что советские люди грудью прикрыли и Америку в минувшую войну!

А в то время действительно ожидалось, что США протянут руку союзнику военных лет в защите не только нашей Родины, но и дела Объединенных Наций. Все это осталось на стадии разговоров, ибо в высшем эшелоне власти в США были приняты противоположные решения. Спустя два десятилетия после описываемых событий Дж. Кеннан (тогда советник посольства США в Москве) написал в первом томе своих мемуаров, вышедшем в 1967 году:

«Тогдашние американские администрации, как Ф. Рузвельта, так и г-на Трумэна, впоследствии часто критиковали за то, что летом 1945 г. помощь по ленд-лизу России была резко прекращена, мы не предложили Советскому Союзу большего займа, а, по мнению некоторых, советским ли-

²⁵ «Известия», 1947, 24 января.

дерам дали понять, что они могли рассчитывать на него... Должен признать, что если правительство США заслуживает критики за жесткую линию во всех этих делах, то я заслуживаю куда большей критики за то, что занял еще более жесткую позицию раньше, чем правительство, за то, что подстрекал и вдохновлял жесткость Вашингтона... Вот показательный пример моих взглядов, которые я в то время излагал послу и государственному департаменту: «Нет никаких оснований, ни экономических, ни политических, для предоставления России дальнейшей помощи по ленд-лизу или для нашего согласия на то, чтобы Россия, не являющаяся государством, делающим взносы в ЮНРРА ²⁶, получила сколько-нибудь значительную помощь от ЮНРРА или для предоставления американского правительственного займа России без получения эквивалентных политических уступок»... Я не нахожу решительно никаких причин для раскаяния в содеянном».

Откуда такая ярость в отношении союзника Соединенных Штатов? Что, Кеннан не представлял нашей страны и нашего народа, он, отдавший всю жизнь изучению нас и считавший-

²⁶ ЮНРРА – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций была создана в 1943 году для целей, видных из ее названия. Совет ЮНРРА постановил, что государства, ее члены, территория которых не была оккупирована, делают взнос в ее фонд в размере двух процентов от национального дохода страны в 1943 году. Другие участники организации призывались делать посильные взносы. На деле представители США в ЮНРРА использовали помощь в попытках добиться угодных Вашингтону целей. Организация распущена в 1947 году

ся в те годы в США лучшим экспертом по делам Советского Союза? В его мемуарах мы находим поучительные эпизоды, проливающие свет на образ мышления тех, кто помогал формировать американскую политику. «На мои взгляды по поводу возможной экономической помощи Советскому Союзу, – пишет он, – оказали воздействие впечатления во время поездки по Советскому Союзу вскоре после окончания войны в Европе». Советник американского посольства посетил Новосибирск, Кузнецк, и везде его радушно принимали, «приходилось выносить тот доброжелательный, но утомительный ритуал русского гостеприимства: „Вы ничего не едите? Попробуйте это!“ Любезные хозяева не могли взять в толк, что задача Кеннана, замечает он в мемуарах, „побывать в Кузнецке, куда, насколько удалось узнать, вот уже несколько лет не заглядывал ни один иностранец с Запада, а я никогда не видел крупнейших советских заводов“.

То была, по Кеннану, на редкость удачная поездка, он поглядел на все, что хотел. Проехал по тем районам, где в годы отгремевшей войны ковалась военная мощь Страны Советов. Вероятно, убедился в ней. Спустя десятилетия он идилично описывает запавшие в памяти дни, когда свободно говорившего по-русски американца никто не принимал за иностранца.

«У меня возникло ощущение, что я не чужак, а простой советский человек! Мои попутчики в самолете, по крайней мере, не принимали меня ни за кого иного. На аэродроме в

Омске, в жару, сидя на траве в тени крыла самолета, я читал вслух по их просьбе случившуюся со мной книгу Алексея Толстого „Петр Первый“.

Вечерами в маленьких гостиницах при аэродромах я был с ними, как будто я был такой же, как они, рядовой человек. Мне было с ними просто и легко».

Но долг превыше всего! Открытые русские не могли и заподозрить, о чем думал и что решал рядом с ними некто в скромном поношенном пиджачке и неброской кепочке.

«Когда под самолетом медленно поплыли обширные равнины к западу от Волги, я стал размышлять в связи с моими милыми попутчиками о проблемах американской помощи России. Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, великий и привлекательный народ. Совсем недавно они перенесли чудовищные страдания, частично за нас. Конечно, хотелось бы помочь, но разве это было возможно? Если народ находится под контролем сильного авторитарного режима, особенно враждебно настроенного к США, то, на мой взгляд, американцы почти ничем не могут помочь ему, не помогая одновременно режиму... Народ и режим, другими словами, диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерба народу. Посему лучше не пытаться ни помогать, ни наносить ущерб, а оставить все как есть. В конечном счете то их тяжкое положение, а не наше».

Возвышенные, почти философские, а в сущности, сквер-

ные суждения! Сидя бок о бок с нашими людьми, Кеннан мыслил только антисоветскими стереотипами. Какой тут реализм! Колючими холодными глазами «эксперт» по Советскому Союзу смотрел на тех, кто «пострадал» и за США в годы войны, но это «их тяжкое положение», подчеркнув «их» в тексте. Ладно, это личное восприятие, а как насчет пресловутой «враждебности» к США? Неторопливо разматывая нить повествования, Кеннан описывает, как осенью 1945 года группа американских конгрессменов напросилась на прием к И. В. Сталину. Так о чем же говорили избранники американского народа в тот день со Сталиным? «Не могу припомнить содержание беседы конгрессменов со Сталиным (в архивах в Вашингтоне, конечно, есть ее запись), – замечает Кеннан, – у меня запечатлелся только наш подход в этом случае»²⁷.

С «подходом» мы уже познакомились, что до содержания беседы, то нет необходимости ворошить архивы, языкатые конгрессмены по возвращении из СССР без промедления рассказали всем и каждому, зачем они ездили в Кремль. То были члены специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию во главе с председателем комитета У. Колмером. Собрав и проанализировав их тогдашние высказывания по возвращении в США, Дж. Гэддис в книге «США и возникновение „холодной войны“ 1941 – 1947» (1972) изложил дело так:

²⁷ G. Kennan. *Memoirs 1925 – 1950*, Boston 1967, pp. 266 – 267.

«14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?... Делегация... сделала отчет государственному секретарю Дж. Бирнсу, а затем совещалась с Трумэном. Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что необходимо „ужесточить наш подход к Советской Республике“. Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях Восточной Европе и доложит содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на выполнении русских политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства. Это включает вывод советских оккупационных войск и соответствии с Потсдамскими согла-

шениями, и Ялтинской концепцией. Коротко говоря, Колмер и его коллеги требовали, чтобы Советский Союз в обмен ил американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»²⁸.

Были сказаны, как видим, вещи такого порядка, что не оставалось ни малейшего сомнения, кто настроен «враждебно» и к кому, а поэтому опытный дипломат Дж. Кеннан «забыл» их и любопытным порекомендовал сходить в архивы. Хотя с легкоразличимым раздражением он подвел итог беспримерному набегу американских конгрессменов на Москву. «Эпизод, сам по себе, конечно, малозначительный, оказался одним из тех (а их было немало во время моей дипломатической службы), которые постепенно привели меня к глубокому скептицизму касательно абсолютной ценности личных контактов для улучшения межгосударственных отношений. Должен также заметить, что визитеры из нашего конгресса значительно отличались друг от друга по степени личной выгоды, которую они извлекали из этих поездок»²⁹.

Последнее замечание, по необходимости темное под пером профессионального дипломата, проясняет поведение официальных лиц из США, гужом тянувшихся тогда в Москву. Летом 1946 года в нашу столицу явилась, например, делегация по вопросам репараций во главе с крупным неф-

²⁸ J. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*, N. Y., 1972, pp. 259 – 260.

²⁹ G. Kennan. *Op. cit.*, p. 277.

тепромышленником Э. Поули; основная задача делегации заключалась в том, чтобы познакомить советские органы с принципом «первой заимки», а именно, разъясняет в книге «Потрясенный мир» (1977) американский историк Д. Ерджин, «репарации из текущей продукции, то есть из продукции германской экономики, снижаются до минимума. Во-вторых, экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономической порядок до выплаты репараций (в сущности, помощи) советскому союзнику... Некоторые члены американской делегации не скрывали своей враждебности, находя и эти директивы слишком мягкими, другие не могли сдерживать порывы к наживе. Ряд членов делегации Поули продал свои костюмы в Москве по спекулятивной цене – по 250 долларов за костюм»³⁰.

Оказались мелкими спекулянтами. Они преуспели в этом и в срыве репарационных платежей Советскому Союзу, хотя к этому времени выяснилось – экономический потенциал Германии в 1945 году, несмотря на разрушения, был выше, чем и 1939 году³¹. Ни от «теоретиков» типа Кеннана, ни от практиков вроде Колмера, Поули и К^о ожидать ничего

³⁰ D. Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, pp. 96 – 98.

³¹ F. R.: 1945, v. 3, p. 1228.

хорошего нам не приходилось. По той простой причине, что Советский Союз в Вашингтоне считали врагом и вели себя соответственно.

3

Вот как они нас представляли и представляют по сей день. Тон многотомному докладу сенатской комиссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975 – 1976 годах деятельность разведывательного сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано:

«Вторая мировая война ознаменовала поражение одного типа тоталитаризма. Но быстро вырос другой вызов тоталитаризма. Советский Союз, главный союзник США в войне, стал главным противником США в мире. Мощь нацизма лежала в руинах, но мощь коммунизма мобилизовывалась... Офицеры американской военной разведки одни из первых усмотрели изменение обстановки. Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розицкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на „джипе“ в Берлин... Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: „Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: „Американцы!“, русские горячо приветствовали нас. На автостраде, а я хорошо знал Германию до войны, нам бросилась в глаза

колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140 – 150 сантиметров в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь выяснить род оружия на погонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, – Россия идет на запад“³².

Не было этого – не «гоняли» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на восток и не могли взять логово фашистского зверя – Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей и не «шла Россия на запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет – стариком – сенаторам. Он представил полуторасуточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов³³.

³² Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Book I, Washington; 1976, pp. 19 – 20.

³³ То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерз дайджест пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розницкого как должное, ибо он соответствует стерео-

Какой спрос с молодого, хотя и подававшего надежды, прохвоста Г. Розецкого? А генерал Д. Паттон, прославленный в США герой той войны, – ему, казалось, надлежало быть серьезнее. Куда там! Он открыл, что русские – «вырождающаяся раса монгольских дикарей», каждый из нас и все мы вместе «сукины сыны, варвары и запойные пьяницы»³⁴. Вот так, и не иначе!

Что касается высшего командования американских вооруженных сил, то оно определило Советский Союз потенциальным «врагом» задолго до окончания второй мировой войны. Исходной посылкой замечательного заключения на первых порах были отнюдь не умозрительные соображения, а факторы, поддававшиеся количественному учету, – какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть и оказался только

типам их мышления, редакторы дрогнули. В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розецкого, в комиссии сената его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны, и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления запечатлелись у меня по сей день. Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на восток», и т. д. «Лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, да и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!» (Введение к указанной книге, с. XXV – XXVI).

³⁴ «The Patton Papers», Ed. by M. Blumenson, Boston, 1974, pp. 721, 731 – 734.

и исключительно Советский Союз, следовательно, вот он, «враг»! Параметры врага определялись, следовательно, не его намерениями, а физическими возможностями великой державы – Советского Союза – вести войну. Бескрылый профессионализм (с политической точки зрения явный кренинизм) не мог не укрепить решительным образом антикоммунизм как идеологию, придав ему, во всяком случае, осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Все это шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой прояснились довольно рано. Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военно-морского министра Д. Форрестол публично учил: «Понятия „безопасность“ больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому – мощь подобна богатству: либо используют ее, либо утрачивают»³⁵. Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми

³⁵ M. Sherry. Preparing for the Next War. American Plans for postwar defense, 1941 – 45, Yale University Press, 1977, p. 57.

поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали многим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон

выступит Британская империя»³⁶.

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда: исполинские победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия в силах между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратить вспять, опрокинуть сложившееся в результате советских побед соотношение сил – в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голой силы, стали приискивать надлежащие средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. Философским камнем при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943-1944 годам, явилось атомное оружие. Еще до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон, по крайней мере, вынес такое впечат-

³⁶ M. Malloff. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943-1944, Washington, 1959, pp. 523 – 524.

ление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»³⁷. Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях – отточия и сокращения документа.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Тогда вся эта документация была строго засекречена, в наши дни для некоторых американских исследователей открыт к ней ограниченный доступ.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано:

«Мы не нанесем первого удара», – заверил конгресс Эйзенхауэра поздней осенью (1945 г.), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Даже в публичных заявлениях некоторые военные прозрачно намекали на мудрость превентивного удара. Законность первого удара, лишь

³⁷ J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom, N. Y., 1970, p. 459.

подразумевавшаяся в ранних планах, отныне безоговорочно подтверждалась комитетом начальников штабов...

На серии штабных совещаний был усилен акцент на действиях в плане превентивных ударов. Штабные планировщики потребовали включить в директиву 1496 подчеркнутое указание на нанесение «первого удара», настаивая: «На это следует обратить особое внимание с тем, чтобы было ясно – отныне это новая политическая концепция, отличная от американского отношения к войне в прошлом...»

В случае большой войны некоторые ее цели были ясны. США должны «следовать нашей единственной политике, которой мы придерживались в течение тридцати лет. Мы предпочитаем вести наши войны, если они необходимы, на чужой территории». Располагая системой передовых баз и мобильными вооруженными силами, США должны максимально защититься от прямого нападения... В набросках директивы 1518 выражалось сомнение в целесообразности попыток добиться полного завоевания или уничтожения главного врага типа Советского Союза. Но генерал Линкольн доказывал, что цель в войне против СССР – «не загнать его за свои границы, а уничтожить его военный потенциал, в противном случае последует длительная война...».

Комитет начальников штабов в октябре (1945 г.) рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, сохранение максимальной секретности и «отказ ввести в эти тайны любую страну или ООН». Чтобы уско-

ритель движение по избранному пути, военное министерство возглавило усилия по установлению военного контроля над будущими атомными исследованиями...

Убежденные, что иного пути нет, военные отныне составляли планы использования атомных бомб как главного средства массированного сдерживания и возмездия. Это не держали в тайне. В ноябре 1945 года был опубликован доклад (главнокомандующего ВВС) генерала Арнольда военному министру, в котором указывалось, что США должны «указать потенциальному агрессору – за нападением на США немедленно последует всепоглощающий атомный удар по нему с воздуха». Куда дальше, чем Арнольд, зашел комитет начальников штабов, чей отчет в секретном докладе взвесил желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу как в виде возмездия, так и первыми. Объединенный разведывательный комитет наметил двадцать советских городов, подходивших для атомной бомбардировки... Этот комитет рекомендовал атомное нападение не только в случае неминуемого выступления СССР, но и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки указывали на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения». Комитет советовал «предоставить приоритет стратегической авиации» в любых усилиях пресечь продвижение России к созданию возможностей для нападения. Комитет добавил, что атомные бомбардировки относительно малоэффективны

против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то есть признал – атомная бомба будет пригодна только для массового истребления (населения) городов»³⁸.

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали генеральские и офицерские звезды, сочинявшие каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки атомных вооружений, что – они верили в советскую «угрозу»? Уже приведенное содержание секретных штабных документов, которые обзрел и в какой-то степени проанализировал М. Шерри с надлежащими отсылками к архивным досье, не оставляют сомнения – никто не верил в «агрессивность» Советского Союза. Конечный вердикт М. Шерри:

«Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы, признало командование вооруженных сил. Его экономика и людские ресурсы были истощены войной... Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении... Советские возможности, независимо от того, что думали о намерениях русских, представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом»³⁹.

Директива комитета начальников штабов 1496/2 не оставалась достоянием военных. Она была доложена координационному комитету, объединявшему представителей государственного департамента, военного и военно-мор-

³⁸ M. Sherry. Op. cit., pp. 201, 205, 212 – 213.

³⁹ Ibid., pp. 214 – 215.

ского министерств. Уже как документ этого комитета (СВНКК-282) она была предложена на рассмотрение и суждение руководства государственного департамента. Политики, как им подобает, сделали второстепенные замечания в своей записке от 16 ноября 1945 года: «Действия во исполнение заявления комитета начальников штабов о военной политике США», но и слова не сказали по поводу устрашающего положения директивы 1496/2, воспроизведенной в документе СВНКК-282, а именно:

«Мы не можем допустить, чтобы возобладала ложная и опасная идея – дабы избежать занятия агрессивной позиции, мы позволили первому удару обрушиться на нас. В таких обстоятельствах наше правительство должно быстро добиваться политического решения, одновременно проведя все приготовления, чтобы в случае необходимости самому нанести первый удар»⁴⁰.

Чем? Прежде всего атомными бомбами! Вплоть до последнего времени в американской историографии безраздельно господствовало представление о том, что Трумэн поторопился с сожжением Хиросимы и Нагасаки, ибо США располагали-де двумя атомными бомбами. Их нельзя было израсходовать для демонстрации мощи атомного оружия где-нибудь не в населенном месте, поэтому был необходим предметный урок ценой гибели сотен тысяч мирных жителей. В изданной в 1978 году, например, примечательной во

⁴⁰ F. R.: 1946, v. 1, pp. 1160 – 1165, 1125 – 28.

многих отношениях книге У. Манчестера «Слава и мечта» сказано: «Генерал Грэвс считал, что предварительные испытания будут не нужны. Он считал, что первая бомба будет готова примерно к 1 августа 1945 года, вторая к 1 января 1946 года, а третья позднее, в точно не установленный срок». Так он считал на рубеже 1944/45 года. На начало лета 1945 года, по словам У. Манчестера, «американцы не имели бомб, чтобы растрачивать их без дела. Помимо статичного устройства, которое подлежало взрыву, у них было всего две бомбы – „Худой“ и „Толстяк“⁴¹.

Итак, для Японии США располагали двумя бомбами, к исходу 1945 года, оказывается, в американских арсеналах было по крайней мере 196 атомных бомб и... для русских! В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными директивами комитета начальников штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению А (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 г. – **Н. Я.**)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз

⁴¹ W. Manchester. The Glory and the Dream, N. Y., 1978, pp. 375-376.

и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

Упомянутые «источники военной силы» планировщики атомной агрессии трактовали куда как расширительно. Из документа Объединенного разведывательного комитета 329 от 3 ноября 1945 года отчетливо виден ход их мысли: «Одной из главных особенностей атомного оружия является его способность уничтожить скопления людей, и эту особенность следует использовать в сочетании с иными его качествами».

Посему:

«1. В приложении А приведены 20 городских территорий, рекомендованных как наиболее подходящие стратегические цели для ударов с применением атомного оружия. Города отобраны по принципу их общего значения с учетом: 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения; 2) наличия государственных и административных учреждений и 3) наличия научно-исследовательских учреждений...»

Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее штаб-квартира в Москве). Эти институты, возможно, работающие в контакте с ведущими университетами, представ-

ляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбежки районах».

Значит, сожжем и ученых! А всего в 20 городах, избранных на первый случай объектами атомной бомбардировки, в то время проживали 13 миллионов человек, среди них женщины, дети, старики. Мартиролог, открытый Хиросимой и Нагасаки, должны были пополнить 20 советских городов (в очередности, установленной американскими штабными планировщиками): Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль ⁴².

Итак, в сентябре – ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза. Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха – Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году. Открылись горизонты, омраченные было войной.

Страна, скорбя о павших в недавнюю войну, чествовала

⁴² Цит. по: «Новое время», 1980, № 8, с. 28, 29.

героев мирного труда. Наши успехи были замечены и «отмечены» правящей элитой Соединенных Штатов, которая сделала из них надлежащие практические выводы. Выводы в глазах той самой элиты вдвойне прочные, ибо одновременно с советским народом, героически трудившимся на послевоенных стройках, не покладала рук рать «специалистов» по нашей стране. Эти подлинно установили, кто мы такие, и разрабатывали рекомендации, как именно с нами поступить, какие орудия и средства употребить для этого.

4

22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан отослал в Вашингтон «длинную телеграмму», которую американские политики и историки единодушно считают по сей день краеугольным камнем в оценке Советского Союза. В восьми тысячах резких слов, на комментирование которых в США с тех пор ушли многие миллионы слов, Кеннан обрисовал жуткую угрозу, будто бы нависшую над США, и предложил стратегию неукоснительной вражды к СССР. «Итак, перед нами политическая сила, фанатически утвердившаяся в убеждении, что с США не может быть постоянного модус вивенди... Вот отправная точка, от которой должен действовать отныне наш политический генеральный штаб»⁴³. Против Советского Союза надлежит дей-

⁴³ F. R., 1946, v. 6, p. 705.

ствовать только силой. Умники, собравшиеся в Вашингтоне при Трумэне, уже по той причине, что Кеннан назвал их «политическим генеральным штабом», преисполнились сознания собственной государственной значимости и пустились в состязание с ним по части сочинения прожектов расправы с советским народом. Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». Определенно разделяя апокалипсическое видение Советского Союза Кеннаном, Клиффорд высказался:

«Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать Советскому правительству, что располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков. Следовательно, чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддержать мощ-

ные морские и воздушные силы. Война против СССР будет „тотальной“ в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения... Любые переговоры об ограничении вооружений вести медленно и осторожно, постоянно памятуя, что предложения о запрещении применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов...

США должны понять, что советская пропаганда опасна (особенно когда подчеркивается американский «империализм»), и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским обвинениям... США должны приложить энергичные усилия, чтобы добиться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского населения, и противодействовать антиамериканской пропаганде, которую Кремль распространяет среди советского народа. В самых широких масштабах, какие только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР... В самих Соединенных Штатах коммунистическое проникновение должно быть разоблачено и ликвидировано»⁴⁴.

Если присовокупить вялые и косноязычные рассуждения

⁴⁴ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945 – 1950». Ed. by T. Etzold and J. Gaddis, N. Y., 1978, pp. 66 – 68.

в докладе (куда Клиффорду тягаться с отменным стилистом Кеннаном!) насчет того, что «трудности» США с СССР порождены советским режимом, а ссоры с русским народом у Вашингтона-де нет, тогда обрисовываются контуры стратегического мышления правящей элиты США. К генеральной цели – уничтожению или фатальному ослаблению Советского Союза – ведут два пути: война или (на подступах к ней, а при определенных условиях вместо нее) подрывная работа. Вашингтон должен быть готов проводить оба курса. Какой возобладает, покажет завтрашний день, точнее, соотношение сил между СССР и США. Мирного сосуществования, не говоря уже о сотрудничестве, между капитализмом и социализмом быть не может.

Так гласила доктрина, восторжествовавшая в самых верхах американского общества. Она отражала отчаяние увядающей цивилизации, которая мобилизовывала силы, чтобы удержаться на исторической арене.

Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания» коммунизма⁴⁵. А рамки этого расплывчатого и пустого лозунга оказались достаточно широкими, чтобы охватить «доктрину Трумэна», «план Маршалла», сколачивание агрессивных блоков и окружение Советского Союза плотным кольцом американских военных баз. В интересах «сдерживания» на исходе 1947 года проводится реорганизация высшего госу-

⁴⁵ F. R.: 1946, v. 6, pp. 709, 699.

дарственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало. Совет планирования политики государственного департамента, который возглавил Кеннан, 7 ноября 1947 года представил «Резюме международной обстановки»:

«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»⁴⁶.

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетво-

⁴⁶ F. R.: 1947, v. 1, pp. 772, 776 – 777.

рение – подготавливаемый удар будет внезапным.

5

Штабное планирование к этому времени зашло далеко, и министр обороны Дж. Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству всестороннюю оценку национальной политики в отношении Советского Союза, ибо без нее «нельзя вынести логических решений относительно размеров ресурсов, уделяемых военным целям»⁴⁷. Совет планирования политики представил просимый анализ, озаглавленный «Цели США в отношении России», который был утвержден 18 августа 1948 года как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Этот документ, занявший 33 страницы убористого текста, впервые опубликован в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945 – 1950 г».

Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При го-

⁴⁷ F. R.: 1948, v. 1, pt. 2, p. 580.

сударственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними».

В элегантнейших фразах формулировалось:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

По уже сложившейся практике высшего государственно-го руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель – свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...».

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуется социализм и капитализм. – **Н. Я.**). Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

В директиве СНБ 20/1 подрывная работа против Советского Союза хладнокровно признавалась государственной политикой, неотъемлемым элементом общего политического курса Вашингтона. Для этого понадобилась тотальная мобилизация немалых ресурсов, традиционного лицемерия за-

океанской республики. В самом деле, в директиве СНБ 20/1 с редкой софистикой констатировалось:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придется по вкусу. Возможно, что, оказавшись я такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть – то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это».

Так какая же это «обстановка»? В директиве СНБ 20/1 в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось:

«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В сумме все эти соображения сводились к одному – различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действий. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу, – то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома. Вероятно, они все же бросили взгляд на карту, а посему записали:

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

Вашингтонские стратеги рассматривали несколько вариантов этого «урегулирования» в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира». Условия, имеющие в виду расчленение нашей страны, беспрепятственное проникновение «идей извне» и т. д. «Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».

Прекрасно! В 1948 году Совет национальной безопасности США объявлял себя наследником германских милитаристов 1918 года! В директиве СНБ 20/1, впрочем, исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года, – это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защищал дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выясни-

лось, что Америка «натерпелась»; «натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты! Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Ее составители тщательно проанализировали куда более привлекательный для них исход войны против Советского Союза – исчезновение Советской власти:

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи,
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами,
- г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае если такой режим будет выражать враждебность

к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

Следовательно, речь шла не только об уничтожении Советской власти, но и российской государственности, исчезновении нашей страны из числа великих держав, а кто, по мысли Совета национальной безопасности, будет править на территориях, некогда составлявших Советский Союз? «В настоящее время, – заявлялось в директиве СНБ 20/1, – есть ряд интересных и сильных русских эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителей России». Все они, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашингтоне немало намучились с ними, а посему включили в директиву СНБ 20/1 план, который должен был избавить американских политиков от многих хлопот:

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас – раз-

решить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

Оставалось решить вопрос о политике в отношении Коммунистической партии Советского Союза: «Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза – это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа». После разного рода рассуждений составители директивы СНБ 20/1 постановили вверить его в руки тех самых «правителей» для нашей страны, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребить коммунистов, а США умоют руки:

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (язык-то какой! – **Н. Я.**) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие

и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... **Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти**⁴⁸.

На этом заканчивалась директива СНБ 20/1, которая вы-

⁴⁸ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945 – 1950», pp. 174, 176, 180 – 181, 190, 189, 196, 197, 201 – 203

звала неистовый восторг Белого дома и легла в основу американской политики в отношении Советского Союза. Во многом и очень многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой № 21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса»...

Впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался не кто иной, как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления – голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил»⁴⁹. Журнал «Ньюсуик» восхвалял эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый, интересующийся Гитлером... В ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Вот и учтем это «новое»!

Соединенные Штаты в 1948 году брали курс на развязывание агрессивной войны против Советского Союза в самом ближайшем будущем. Непосредственные задачи воен-

⁴⁹ J. Toland. Adolf Hitler, N. Y., 1981, p. 702.

ного планирования потребовали изложения описанного документа лаконичным языком, дабы довести его в качестве руководства до сведения командования вооруженных сил. Это взяли на себя члены Совета национальной безопасности: вице-президент СНБ А. Баркли, государственный секретарь Дж. Маршалл, министр обороны Дж. Форрестол, военный министр К. Ройал, министр военно-морского флота Д. Салливан, министр авиации С. Саймингтон, директор ЦРУ контр-адмирал Р. Хилленкоттер, директор управления национальных ресурсов Д. Стилмен и исполнительный секретарь СНБ адмирал С. Соуэрс⁵⁰.

Внушительный авторский коллектив несколько месяцев трудился над собственной версией директивы СНБ-20/1, в конечном итоге сократив ее ровно в четыре раза. Конечный вариант, предложенный Трумэну и утвержденный им 23 ноября 1948 года как директива СНБ 20/4, воспроизводил все основные положения предшествовавшей директивы, немного подпорченные канцелярским стилем высокопоставленных авторов. Конечно, они и их помощники в совокупности не обладали литературным даром главы совета планирования политики, где была сочинена директива СНБ 20/1.

С чиновничьим изяществом в директиве СНБ 20/4 заявлялось: «Самую серьезную угрозу безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, гро-

⁵⁰ «Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957». Ed. by A. Brown, N Y., 1978, p. 36.

мадная мощь СССР и характер советской системы». Следовательно, само существование советского строя – «серьезная угроза», и все тут. Далее иногда в небольшом перифразе, а главным образом буквальным воспроизведением ключевых мест повторялась директива СНБ 20/1 и перечислялись уже известные нам действия как в «мирное время», так и во время войны. По сравнению с ней, однако, несколько больший упор делался на подрывную работу в обоих случаях, с конечным выводом в этом отношении:

«Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем».

Были кое-какие различия и в терминологии. Так, в директиве СНБ 20/4 появился термин применительно к СССР «большевистский режим», что понятно – ее писали люди много старше, чем сочинители директивы СНБ 20/1. Все это были несущественные различия, порожденные скорее авторским честолюбием, чем различием во взглядах.

Коль скоро директива СНБ 20/4 спускалась исполнителям, их заверили, что СССР война застигнет врасплох, ибо «тщательный учет самых различных факторов указывает на вероятность того, что Советское правительство в настоящее время не планирует никаких умышленных военных дей-

ствий, рассчитанных на вовлечение США в конфликт»⁵¹.

Положения директивы СНБ 20/4 были приняты к исполнению американскими штабами, цитировались и учитывались при составлении оперативных планов нападения на Советский Союз, каковых в это время было немало.

Политики подтвердили генералам, кто враг, а тем, в свою очередь, осталось определить военные методы и средства разгрома Советского Союза. Без большой оттяжки, ибо директивы СНБ 20/1 и 20/4 исходили из того, что война против СССР не за горами.

6

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командующие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный еще в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив СНБ.

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война долж-

⁵¹ F. R.: 1948, v. 1. pt. 2, pp. 666, 665.

на была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны – тридцать дней – намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответствующим разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует ⁵².

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» – руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть

⁵² «Drop Shot...», p. 6.

линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)»⁵³. Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками – США, Англией и союзными с ними странами – сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии»⁵⁴.

Перспективы для американских агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый период которой по планам только и думали об эвакуации из Западной Европы? Командование американской стратегической авиации предлагало временно закрыть на это глаза, ибо, пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза подорвут основной элемент советской мощи – политический, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд», состоял в следующем:

«1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма;

⁵³ «Containment. Documents...», p. 323.

⁵⁴ «Drop Shot...», p. 9-10.

4) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в первые годы второй мировой войны»⁵⁵.

Атомные бомбы, заверяли генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу – могут ли стратегические ВВС сломить волю русских к борьбе – и завязался спор в высшем командовании вооруженных сил, спор, проходивший на фоне завершения подготовки к атомным Ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложил комитету начальников штабов составленный во исполнение указанных директив оперативный план САК ЕВП 1-49:

«... 2. Война начнется до 1 апреля 1949 г.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...

32а. С учетом количества имеющихся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщиков, точности бомбометания, мощности бомбардировок первостепенными объектами для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтожение их настолько подорвет центры промышленности и управления СССР, что наступательная и оборонительная мощь Советских Вооруженных Сил резко снизится...

в. Планы объектов и навигационные карты для операций

⁵⁵ Ibid., p. 7.

против первых 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 г. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1:1 000 000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР...

л. Для первых атомных бомбардировок в целях планирования принимаются возможные потери в 25% от числа участвующих бомбардировщиков, что совсем не воспрепятствует использованию всего запаса атомных бомб. По мере воздействия атомного наступления на советскую ПВО потери бомбардировщиков снизятся...

33. Из всего изложенного следует вывод:

Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено по плану»⁵⁶.

Оптимизм генералов ВВС бил ключом, не зная никаких границ. Им не терпелось поднять в воздух стратегическую авиацию. Но они определенно не понимали следующего. Речь шла не о том, удастся или не удастся сжечь города (генералы на это отвечали утвердительно), а о том, какие моральные последствия это будет иметь для всего населения и достижения целей войны в целом. Командующим другими видами вооруженных сил и родов оружия, помимо стратегической авиации, претензии ее штабов представлялись мало-реальными. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под предсе-

⁵⁶ «Containment. Documents...», pp. 357 – 360.

дательством генерал-лейтенанта Х. Хармона, который попытался оценить политические последствия намеченного атомного наступления с воздуха на Советский Союз. 11 мая 1949 года комитет представил сверхсекретный доклад «Оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления».

«Проблема: 1. Оценить воздействие на военные усилия СССР стратегического воздушного наступления как предусмотренного в нынешних военных планах, включая оценку психологического воздействия атомных бомбардировок на волю Советов вести войну...»

3. План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:

а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);

б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.

Последствия для промышленности:

... 9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на 30 – 40%. Оно не будет постоянным – либо будет компенсировано советскими восстановительными работами, либо усугубится в зависимо-

сти от мощи и эффективности последующих налетов...

Людские потери:

... 11. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. – **Н. Я.**).

Психологическое воздействие:

12. Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.

13. Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе. Среди меньшинства, размеры которого определить невозможно, атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство⁵⁷ и надежду на освобождение от угнетения. Если перед диссидентами не откроются куда более благоприятные возможности, эти элементы не окажут сколько-нибудь примечательного воздействия на советские военные усилия.

14. В СССР возникнет психологический кризис, который

⁵⁷ В американских документах понятие «диссидент» впервые появляется в этой связи

может быть обращен на пользу союзников своевременным использованием вооруженных сил и методов психологической войны. Если мы быстро и эффективно не сделаем этого, шанс будет упущен, и последующая психологическая реакция Советов неблагоприятно скажется на достижении целей союзников.

Воздействие на Советские Вооруженные Силы: 15. Возможности Советских Вооруженных Сил быстро продвинуться в избранные районы Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока не будут серьезно расстроены, однако впоследствии будут прогрессивно убывать». Далее перечисляются технические аспекты – нехватка горючего, транспортные затруднения и т. д.

«17. Атомные бомбардировки развяжут руки всем противникам применять оружие массового поражения и приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным мерам возмездия, какие окажутся в его распоряжении.

Общий вывод: 18. Атомные бомбардировки приведут к определенным психологическим реакциям и мерам возмездия, наносящим ущерб военным целям союзников, а их разрушительные последствия осложнят послевоенные проблемы. Однако атомное оружие – главный компонент военной мощи союзников в любой войне против СССР. Он является единственным средством быстро вызвать шок и нанести серьезный ущерб ключевым элементам советского военного потенциала. Атомные удары, нанесенные в начале вой-

ны, значительно облегчат использование других средств союзной военной мощи и снизят собственные потери. Полное использование этих преимуществ зависит от быстроты проведения других военных операций и мер психологической войны. С точки зрения наших национальных интересов преимущества немедленного применения в войне атомного оружия стоят превыше всего. Должны быть употреблены все разумные усилия, дабы подготовить средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к намеченным целям»⁵⁸.

Генералам, во всяком случае в канун войны, подобает думать о победах, а не размышлять о поражениях, – отсюда налет оптимизма в докладе комитета Х. Хармона. Однако при зрелом размышлении со всей очевидностью проступает глубокая озабоченность по поводу сумасбродных замыслов нанести поражение Советскому Союзу главным образом, если не исключительно, атомными бомбардировками. Да, если даже они, как обещает командование ВВС, пройдут по плану и будут за первый месяц убиты 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Хармон с коллегами не заглядывали дальше первого месяца войны, и, надо думать, умышленно: они определенно страшились того, что откроет атомный пролог. Политических проблем оружие, особенно только атомное, не разрешит. Ну конечно, они, ясак подобает во-

⁵⁸ Ibid., pp. 361 – 364.

енным, призвали к пополнению арсеналов, особенно средств доставки и т. д.

Расчеты и подсчеты комитета Х. Хармона (вероятно, были и другие такого же свойства) пока остановили атомщиков у роковой черты, но зловещий курс на войну с СССР не был оставлен. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Североатлантический пакт. По периметру границ социалистического лагеря строились и вводились в действие все новые военные базы, США раскручивали маховик военной экономики. Высшие американские руководители, мышление которых во всевозрастающей степени милитаризовалось, полагали, что удастся создать подавляющее военное превосходство над СССР, которое сведет до минимума значение описанных политических факторов. Простым путем – поголовным физическим истреблением. Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей, собственно, так и представлял дело. Он с насмешкой отозвался тогда о составлении разных планов войны с СССР: незачем. США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека»⁵⁹. Эти, типа Лимея, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик B-29, совершавший плановый патрульный полет в северной

⁵⁹ «Drop Shot...», p. 5.

части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» – круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, – торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки...⁶⁰ То был исторический подвиг советских ученых и инженеров, положивший конец американской монополии на атомное оружие. Наши материальные жертвы оказались не напрасными, страну отныне прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну.

«Однако, – замечает американский исследователь А. Бра-

⁶⁰ R. Hewlett and F. Dunean. Atomic Shield: 1947 – 52, Pennsylvania State University Press, 1969, pp. 362 – 369.

ун, – превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949 – 1950 гг. Стратегическая авиация **не могла** в то время нанести России один непоправимый удар»⁶¹.

И в своей книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 г.» (1978) Браун подробно рассматривает причины этого. В конце 1949 года США имели 840 стратегических бомбардировщиков в строю, 1350 в резерве, свыше 300 атомных бомб. Только с баз на Британских островах можно было достичь Москвы, Ленинграда и других объектов в европейской части СССР. Для целей планирования датой начала войны было установлено 1 января 1950 года. С ее началом в течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на объекты в 100 советских городах, для чего необходимо 6 тысяч самолето-вылетов. Все это именовалось планом «Тройан».

Комитет начальников штабов приказал группе генерал-лейтенанта Д. Хэлла проверить на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва-Ленинград, Урал, объекты у Черного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент-Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Вот как выглядели подсчеты, скажем, для действий против объектов в районе Черного моря 233 бомбардировщиков Б-29 и Б-50 (32 из них несли атомные бомбы, а остальные подавляли со-

⁶¹ «Drop Shot...», p. 20.

ветскую ПВО и создавали помехи для работы локаторов). Предполагалось, что на объекты будут сброшены 24 атомные бомбы (три атомные бомбы будут потеряны в сбитых самолетах, две не сбросят, а еще три сбросят не на цели). Потери: 35 самолетов от действий истребителей, 2 – от огня зенитной артиллерии, 5 – по другим разным причинам, неустановленное число машин получит повреждения, не поддающиеся ремонту.

Проиграв воздушное наступление против СССР, группа Хэлла подвела итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20 или 20,6 процента самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия макси-

мум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанося ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры – она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону: «ВВС США не могут: а) выполнить все воздушное наступление по плану „Тройан“, б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски»⁶².

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести поражение Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым назва-

⁶² Ibid., p. 28

нием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

«Общая стратегическая концепция» плана выглядела следующим образом:

«Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке.

Первоначально: защитить западное полушарие; вести воздушное наступление; начать выборочное сдерживание советской мощи приблизительно в пределах зоны: Северный полюс – Гренландское море – Норвежское море – Северное море – Рейн – Альпы – о. Пиава – Адриатическое море – Крит – южная Турция – долина Тигра – Персидский залив – Гималаи – Юго-Восточная Азия – Южно-Китайское море – Восточно-Китайское море – Берингово море – Берингов пролив – Северный полюс; удержать и обеспечить важнейшие стратегические районы, базы и коммуникационные линии;

вести психологическую, экономическую и подпольную войну, одновременно подвергая беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов.

В последующий период: вести координированные наступательные операции всеми видами вооруженных сил»⁶³.

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО – 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т. д. На третьем этапе с запада переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий – 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполне-

⁶³ Ibid., p. 47.

ния плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек⁶⁴.

В последний, четвертый период буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», – «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на 4 «района ответственности», или оккупационные зоны: Западная часть СССР, Кавказ – Украина, Урал – Западная Сибирь – Туркестан, Восточная Сибирь – Забайкалье – Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве – две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были входить

⁶⁴ Ibid., p. 241.

пять-шесть боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное моря вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности ⁶⁵.

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот» война против Советского Союза и оккупация носили ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась «серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...

Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролетариата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром» ⁶⁶.

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военными средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на ис-

⁶⁵ Ibid., pp. 243 – 245.

⁶⁶ Ibid., pp. 42, 73.

пользование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть «диссидентов». Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы «диссидентов» самих по себе:

«Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов...

Но психологическая война – чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подрвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...

Широкая психологическая война – одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель – уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности...

Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»⁶⁷.

Эти рассуждения, в сущности, являлись перифразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941 – 1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые

⁶⁷ Ibid., pp. 60, 74 – 75, 62.

сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»⁶⁸. Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки руководителей рейха.

И еще. Составители плана «Дропшот» внесли в него положения директивы СНБ-58, утвержденной Трумэном 14 сентября 1949 года: «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». Они размышляли о том, что националистические отклонения-де «серьезно ослабят советский блок. Такую слабость Соединенные Штаты должны использовать... двинув как острие клина для подрыва авторитета СССР создание группы антимосковских коммунистических государств»⁶⁹. Как же это может случиться? Военные, авторы плана «Дропшот», не брались отвечать. Но в директиве СНБ-58, опубликованной даже в 1978 году с большими купюрами, утверждалось:

«Наша конечная цель, разумеется, – появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся связаться и устроиться в сообществе свободного мира. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвиганию этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс – содействовать еретическому

⁶⁸ К. Клаузевиц. О войне. М., 1941 т 2, с. 365.

⁶⁹ «Drop Shot...», p. 20.

процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией».

При проведении этой политики, особо подчеркивалось в директиве СНБ-58, США надлежит всячески замечать следы:

«Мы должны вести наступление не только открытыми, но и та иными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель создание – нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всемерную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах»⁷⁰.

Но... всегда держать язык за зубами, поучал Дж. Кеннан за закрытыми дверями правительственных ведомств Ва-

⁷⁰ «Containment. Documents...», pp. 212, 222.

шингтона. «Нам нет нужды делать щедрые подарки советской пропаганде, беря на себя ответственность за процесс раскола в коммунистических странах», – говорил Дж. Кеннан в закрытой лекции в Пентагоне ⁷¹.

В общей стратегической концепции плана «Дропшот» психологическая война занимала следующее место:

«Анализ: Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

Задача: Добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций» ⁷².

В заключение в плане «Дропшот» бросается взор в буду-

⁷¹ J. Gaddis. *Strategies of Containment*, N. Y., 1982, p. 47.

⁷² «Drop Shot...», pp. 76, 75, 41.

щее – после разгрома СССР и его союзников в Европе наступал черед Дальнего Востока, где на протяжении войны против Советского Союза США находились в стратегической обороне. Итак:

«Мы исходим из того, что коммунистический Китай и другие районы Юго-Восточной Азии, контролируемые местными коммунистами, в отличие от Кореи и европейских сателлитов не окажутся под полным господством СССР и в случае его быстрой капитуляции необязательно также капитулируют. Следовательно, введение союзных оккупационных войск в эти районы до капитуляции СССР может оказаться как неосуществимым, так и нежелательным, поскольку для подавления сопротивления потребуется вести настоящую войну. Следовательно, решение о надлежащих действиях в этих районах будет принято с учетом обстановки, которая сложится после капитуляции СССР. Следует иметь в виду, что достижение национальных целей Соединенных Штатов потребует мощного наступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии после капитуляции Советского Союза»⁷³.

Если принять в соображение, что по замыслу плана «Дропшот» на стороне США по доброй воле или под нажимом должны были выступить не только страны НАТО, но ряд государств Азии и Ближнего Востока, а Латинской Америке и Африке отводилась роль резерва и источников сырья,

⁷³ Ibid., pp. 243 – 244.

то упомянутые операции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии подводят итог: Вашингтон вознамерился вооруженной рукой стереть социализм с лица всей земли. Это означало одновременно достижение заветной цели американской олигархии – установление мирового господства Соединенных Штатов. Если нужны официальные доказательства, исходящие от правящей элиты США, то вот они – план «Дропшот»!

Тогда почему стал возможным доступ к нему исследователей? А. Браун, опубликовавший в 1978 году этот план в книге с надлежащими комментариями, замечает:

«План „Дропшот“, американский план мировой войны против Советского Союза, был подготовлен комитетом в рамках комитета начальников штабов в 1949 г. по указанию и с ведома президента Гарри С. Трумэна... Военная география не изменяется. А обычное вооружение меняется только по степени своей разрушительной силы. Поля сражений 1949-1957 гг. могут прекрасно стать полями сражений будущей войны.

Эти очевидные соображения ведут к постановке важнейшего вопроса: разве не глупость предавать гласности план «Дропшот»? Я много размышлял над этим и вынужден заключить: да, предание гласности этого документа – глупость. Его нужно было сжечь, закопать или хранить в самом тайном сейфе, ибо он отнюдь не придает Америке привлекательности в глазах России. «Дропшот» был не только планом

атомизации России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками и уничтожение корней большевизма. Несомненно, в наше критическое время, когда «холодная война» прекратилась, пусть временно, а политическая и идеологическая война бушует с неослабевающей силой, русские укажут: «Дропшот» – пример продолжающейся враждебности Америки к России, и поэтому Россия должна иметь и расширять вооруженные силы.

Тогда почему стала возможной публикация плана «Дропшот»? Нет законов, требующих от комитета начальников штабов его рассекречивания... Документ с сопутствующими ему материалами в совокупности показывает: 1) Соединенные Штаты вполне могли проиграть третью мировую войну; 2) Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3) командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего главного американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4) русские атомные бомбардировки и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5) Америка не смогла бы защитить свои собственные города; 6) США потребовалось бы два года, чтобы ее промышленность и вооруженные силы достигли бы такого уровня, который позволил бы американское военное возвращение в Европу и 7) США намеревались оккупировать Россию, идя на риск неутраченной там парти-

занской войны...

Я лично считаю, что комитет начальников штабов, рас-секретив «Дропшот», не руководствовался решительно никакими мотивами. Дело очень просто – план считается устаревшим, с теперешними видами вооружения мы стоим на пороге Судного Дня, и поэтому он не имеет решительно никакого значения»⁷⁴.

Какая-то часть правды в рассуждениях А. Брауна есть, но только часть, и причем небольшая. Мотивы предания огласке этого плана и иных сходных документов, конечно, не поддаются однозначному истолкованию. Что до «устарелости», то в отношении преступных замыслов, вроде тех, что воплощены в раскладках плана «Дропшот», здравый смысл возмутится при одной мысли, что к ним может быть применен срок давности. Можно уверенно утверждать, что публикация – своего рода оправдание: задним числом приводятся веские доказательства – Вашингтон никогда не был «мягок» к коммунизму, а это драгоценный тезис кликуш-милитаристов в США, проливающих слезы по поводу того, что США тогда не нанесли атомного удара по Советскому Союзу. Успех-де был гарантирован. Не кто другой, как генерал К. Лимей, вознесенный в президентство Дж. Кеннеди на пост главнокомандующего ВВС США, в 1968 году выпустил книгу «Америка в опасности», в которой, имея в виду рубеж сороковых и пятидесятых годов, все еще настаивал: «Мы могли бы сте-

⁷⁴ Ibid., p. 1 – 2.

реть Россию с лица земли, не поцарапав при этом локтей»⁷⁵. Доступный ныне для обозрения план «Дропшот» начисто девальвирует генеральскую мудрость.

Но все же те, кто разрешил пустить в научный и публицистический обиход описанные документы, больше думают о будущем, а не о прошлом. Американцам внятно рассказано и наглядно показано, какие губительные последствия повлекла бы за собой большая война с СССР даже в то время, когда не было создано термоядерное оружие, а межконтинентальные ракеты еще не стартовали с чертежных столов. Подспудно и даже иной раз прямо указывается: при существующем соотношении сил между СССР и США вооруженная схватка губительна и для Соединенных Штатов. Десятилетия гонки вооружений, унесшие из карманов американских налогоплательщиков фантастические суммы, не дали Вашингтону искомого преимущества в военной области. Равновесие в силах между капитализмом и социализмом, завоеванное советским народом в 1941 – 1945 годах, опрокинуть не удалось. Этим мы обязаны солдатам Великой Отечественной войны, героям смертельной борьбы против держав фашистской «оси», тем, кто показал, на что способен народ, отстаивающий свою власть.

Тут мы подходим к главному – указания на опасность военного пути в отношении Советского Союза приводятся как доказательство высшей разумности попыток нанести нам по-

⁷⁵ L. Chester, G. Hodgson, B. Page. The American Melodrama, N. Y., 1969, p. 778.

ражение иными методами, то есть не переступая порога термоядерного Армагеддона. Коротко говоря, подрывной работой в самом широком смысле. Военные были засажены за то, что им ведать надлежит свой «Дропшот», а высшее американское государственное руководство приступило к рассмотрению всей стратегии США в отношении СССР с учетом того, что мы располагаем атомным оружием и впереди термоядерная эра. В 1950 году Совет национальной безопасности разрабатывает директиву СНБ-68, призванную сменить директиву СНБ 20/4.

7

Сменить... Пожалуй, громко сказано. Речь шла не больше чем о перестановке акцентов. В новом, очень просторном документе, почти в два раза превышавшем по объему директиву СНБ 20/1, описанные цели политики США полностью подтверждались. Составители проекта – тот же совет планирования политики государственного департамента, который теперь вместо Дж. Кеннана вел П. Нитце, – обильно цитировали директиву 20/4, но внесли в документ дух тревоги, если не паники. Они писали: «Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в СНБ 20/4 (утвержденной президентом 24 ноября 1948 г.), однако куда ближе, чем считали раньше. Республика и ее граждане в зените мощи подвергается самой страшной опас-

ности. Речь идет о гибели не только республики, но и всей цивилизации».

Директива СНБ-68 открывалась широким обзором коренных изменений, поразивших мир в предшествовавшие 35 лет, – ушли в небытие пять империй: Оттоманская, Австро-Венгерская, Германская, Итальянская и Японская. За жизнь одного только поколения соотношение сил в мире приобрело совершенно новые очертания. Остались лишь две сверхдержавы – «США и СССР, оказавшиеся центрами, во всевозрастающей степени сосредоточивающими вокруг себя мощь». Хотя не очень четко, подтверждалось равновесие в военных силах между США и СССР, то есть вывод комитета начальников штабов, восходивший к 1943 – 1944 годам.

Ну конечно, это признавалось нетерпимым. Шли подробные выкладки соответствующих экономических потенциалов США и СССР и констатировалось, что Соединенные Штаты обязаны в несколько раз увеличить военные расходы. Что, как известно, и было сделано вслед за принятием директивы СНБ-68. На закате президентства Трумэна ежегодные военные расходы США перевалили за 50 миллиардов долларов, более чем в три раза превысив ассигнования конца сороковых годов. Есть ли потолок увеличению военных расходов в широком смысле? В директиве СНБ-68 определялось: «В случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут уделять до 50% своего валового национального продукта на эти цели, как было во время прошлой войны». Валю-

вой национальный продукт США в 1949 году равнялся 225 миллиардам долларов. За этими рассуждениями просматривалось то, что становится заботой Вашингтона: взвинчивая расходы на военные цели, вовлечь Советский Союз в гонку вооружений и, не доводя пока дела до войны, разорить его.

Советский Союз давал все новые и новые доказательства своей приверженности делу мира. Те, кто раздувал военную истерию, не могли не знать, что и после создания атомного оружия Москва с новой силой подтвердила свою позицию: атомная бомба должна быть запрещена. Как быть? В директиве СНБ-68 констатировалось: «Нам предлагают заявить, что мы не используем атомного оружия, за исключением возмездия на первое применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что достигнем наших целей без войны или, в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях». Решительно никакого просвета. Атомные маньяки стояли на своем, а посему преимущества нападения на Советский Союз подробно и тщательно изучались и взвешивались.

Но вот беда: «Способность Соединенных Штатов вести эффективные наступательные операции ныне ограничивается атомным ударом. Можно нанести его Советскому Союзу, однако по всем оценкам одни эти операции не побудят Кремль к капитуляции, и Кремль сможет использовать име-

ющиеся у него силы, чтобы поставить под свое господство большую часть Евразии». Правда, вот проблеск надежды: «Если США создадут термоядерное оружие раньше Советского Союза, то США смогут на определенное время оказывать возрастающее давление на СССР». Но опять проблема. «Если начнется война, то какова в ней роль силы? Если мы не используем ее так, чтобы показать русским людям, что наши усилия направлены против режима и его агрессивной мощи, а не против их интересов, мы объединим режим и народ в борьбе до последней капли крови». Определенно ни атомная, ни тем более термоядерная бомба не могли провести столь тонкого различия, не говоря уже о главном – война против СССР, как мы видим, не сулила победы Соединенным Штатам.

Директива СНБ-68 указывала путь из описанного тупика: с одной стороны, резко увеличить военные приготовления США и их союзников, с другой – «в целом сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику... Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика „сдерживания“, которая по своему, существу политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф».

Следовательно:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов

и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

Конечные цели этого образа действия по директиве СНБ-68:

«Цели свободного общества определяются его основными ценностями и необходимостью поддерживать материальное окружение, в котором они процветают...

1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.

2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...

3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля – первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, это обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы

свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы»⁷⁶.

7 апреля 1950 года директива СНБ-68 была представлена президенту Трумэну. Она немедленно начала претворяться в жизнь. Официальное утверждение директивы Трумэна последовало 30 сентября 1950 года. СНБ-68 до точки послужила основой американской политики в отношении СССР на многие годы, а в своих важнейших аспектах действует по сей день.

Политическое мышление в Вашингтоне в отношении Советского Союза вращалось в той или иной мере в круге очерченных идей. Случались и курьезы: в 1952 году сенатор Г. Хэмфри, тогда новичок и сенате и, вероятно, не посвященный в высшие государственные тайны, обратился с письмом к Трумэну, подняв вопрос, который, писал сенатор 11 июля 1952 года президенту, «теснейшим образом связан с Вашими самыми коренными интересами... Простите меня, но я вторгаюсь в эти дела, руководствуясь соображениями величайшей государственной значимости». За льстивым вступлением Хэмфри высказался о том, что тревожило сенатора, – как лучше организовать оккупацию Советского Союза. Указав, что война с СССР «возможна», он просил президента:

«Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом

⁷⁶ F. R., 1950, v. 1., pp. 237 – 292.

разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это по необходимости приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особо заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура»⁷⁷.

Документ этот, хранящийся в архиве Г. Трумэна, вероятно, послужил прекрасным аттестатом молодому сенатору в глазах высших американских руководителей. Какие меры были приняты по письму озабоченного Хэмфри, сказать невозможно. Но можно высказать предположение: высокие чины наверняка поздравили друг друга с отличной охраной государственных тайн в США. Сенатор пекся о вмешательстве в «культуру», каковое уже было, как мы видели, определено в секретных военных планах, – сначала атомные бомбы, а затем оккупация Советского Союза. В планах ее «культура» не упоминалась, а заботились о физическом истреблении русских.

⁷⁷ Harry S. Truman Library, President's Secretary's File.

Вот эта линия – безусловного физического поголовного истребления русских – проходит красной нитью через штабное планирование ядерной агрессии – со времен Г. Трумэна по сей день. «О боже, если бы только русские услышали, что несут некоторые наши генералы ВВС!» – воскликнул как-то ответственный работник американских спецслужб Д. Ванслик. Русские знают. Уже по той причине, что время от времени просачивается сказанное и сформулированное за закрытыми дверями. Просачивается потому, например, как сказал начальник разведки ВВС США генерал Ч. Кабел тому же Ванслику: «Иначе мы не получим ассигнований в конгрессе»⁷⁸. О чем речь?

В начале 1982 года военный историк Д. Розенберг рассмотрел два рассекреченных документа периода 1954 – 1955 годов. Возможно, они имели отношение к тем аспектам военного планирования, которое развивало положения плана «Дропшот». В этих документах намечалось нанести СССР внезапный удар – сбросить 750 атомных бомб за два часа, чтобы избежать излишних потерь ВВС США. «Два часа – и останется груда радиоактивных развалин». В докладной генерала К. Андерсона перечислялись объекты – 118 городов и

⁷⁸ T. Powers. The Man who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA, N. Y., 1981, p. 404.

645 аэродромов ⁷⁹. По этим вопросам у планировщиков разногласий не было, вот только один вопрос остался открытым – как США избежать ответного удара?

Выведя за скобки эту проблему (камень преткновения для агрессоров по сей день!), посмотрим, как эволюционирует выбор целей американскими стратегами на территории СССР. Профессор Г. Гертнер из Калифорнийского университета в середине 1981 года обратил внимание:

«Во второй мировой войне многие окраинные республики хорошо выполнили функцию буфера, приняв на себя первоначальный ущерб, который нес вермахт. В ядерной войне случится противоположное. Немедленные и концентрированные разрушения будут нанесены центральным районам Великороссии».

За этим общим положением последовали длительные рассуждения касательно новой американской доктрины выбора целей для ракетно-ядерных ударов. Как именно уничтожать промышленные и административные центры, приоритеты при выборе стратегических объектов и многое другое все – в том же плане. Профессор заверяет, что ныне предусматривается поразить решительно все, ибо учитываются все факторы. Например:

«Есть важные соображения с точки зрения климата. Ветры понесут продукты радиации на самые густонаселенные

⁷⁹ D. Rosenberg. A. Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours, «International Security», Winter 1981/82, pp. 34 – 39.

районы России. С ноября по март ветры преимущественно дуют с юга и запада в их направлении, а с апреля по октябрь с севера и запада также к этим центрам. Это увеличивает опасность сильного радиоактивного заражения, ибо направления ветров локализируют его. Коротко говоря, направления ветров на протяжении всего года гарантируют, что первоначальная радиация (особенно смертоносная) покрывает наиболее густозаселенные районы».

Красноречивый автор проиллюстрировал сказанное на двух картах, помещенных в его статье, – стрелки направления ветров и прочее. Донес, так сказать, графически до сознания заинтересованных читателей будущее, которое готовят нашему народу заокеанские стратеги ⁸⁰.

К величайшему прискорбию, нужно констатировать – приведенные суждения не плод профессорского праздномыслия в солнечной Калифорнии, где, помимо прочего, находится корпорация «Ранд», обслуживавшая теоретическими идеями ВВС США. Нет ни малейших сомнений в том, что все это – логическое развитие стратегической доктрины Вашингтона. Не кто другой, как генерал М. Тейлор (имя которого не сходило с первых страниц газет в президентства Эйзенхауэра и Кеннеди), подтвердил – нужно сжечь в ядерном огне именно эти районы ⁸¹.

⁸⁰ G. Gertner. Strategic Vulnerability of a Multinational State, «Political Science Quarterly», Summer 1981, pp. 211 – 219.

⁸¹ «The Washington-Post», January 14, 1982.

Предание гласности директивы СНБ-68 в 1975 году ⁸², несомненно, преследовало цель перекинуть прочный мост между прошлым и будущим, показать замечательную преемственность и последовательность американской внешней политики. Действительно, зыбучие пески времени не поглотили положений директивы СНБ-68, и правящая олигархия Запада все еще живет на проценты интеллектуального капитала, собранного Советом национальной безопасности США что-то около тридцати лет назад, и еще далека от того, чтобы прожить его.

Это достаточно показали события на международной арене за три десятка лет, а в области политической мысли – одно из тягчайших доказательств соображения специальной трехсторонней исследовательской группы, представленные «трехсторонней комиссией», обсужденные ею и опубликованные в 1978 году в виде доклада «Капитальное рассмотрение отношений между Западом и Востоком».

«Отношения между Западом и Востоком» – общепринятый термин для обозначения отношений между промышленно развитыми демократиями с одной стороны и главными коммунистическими державами с их союзниками – с другой. Памятуя о том, что по отношению к Европе и Атлан-

⁸² «Naval War College Review», May – June 1975, pp. 51 – 108.

тическому побережью США коммунистические державы лежат на востоке, а по отношению к Японии и Тихоокеанскому побережью США – на западе, мы будем для краткости пользоваться этим термином. Так вот, мы можем заявить, что в последние 30 лет отношения между Западом и Востоком характеризовались долговременным конфликтом, в который вкрапливались элементы сотрудничества... Несмотря на появление новых возможных проблем... конфликт между Западом и Востоком, по нашему мнению, сохраняет свое ведущее значение по сей день»⁸³.

Кто эти «мы», выражающиеся безапелляционно и уверенно, трактующие о предметах не меньше чем в глобальных масштабах? Что такое «трехсторонняя комиссия»? О ней известно относительно немного. Журнал «Пентхауз» в декабре 1977 года писал, конечно, с определенным оттенком сенсационности:

«В 1972 г. Дэвид Рокфеллер решил стать фактическим правителем некоммунистического мира. Его орудие для этого – трехсторонняя комиссия... В 1973 г. Дэвид Рокфеллер попросил Збигнева Бжезинского создать трехстороннюю комиссию, закрытый клуб мультимиллионеров и их советников, для правления миром»⁸⁴.

Ее участники буквально щеголяют своим прагматизмом,

⁸³ «An Overview of East – West Relations, Report of the Trilateral Task Force on East – West Relations to the Trilateral Commission», 1978, p. 1.

⁸⁴ «Penthouse», December 1977, pp. 160, 89, 166.

который в их устах означает: в современном мире усилия «частных» лиц иной раз могут дать больше, чем правительства, пораженные бюрократическим склерозом.

«Трехсторонняя комиссия», созданная в 1973 году, объединяет руководителей крупнейших монополий США, Западной Европы и Японии. Насколько известно, на секретных заседаниях они разрабатывают единую политику, начав с попыток разрешения главных экономических и валютных проблем капиталистического мира. Конечная Цель, если верить словам Бжезинского, учреждение «сообщества развитых держав» – США, Западной Европы и Японии. С 1973 года под эгидой комиссии выходят доклады специальных исследовательских трехсторонних групп. Для «капитального рассмотрения отношений между Западом и Востоком» очередь пришла к 1978 году. Это 15-й по счету доклад. Хотя он, преданный гласности, писан иначе, чем зловещие рекомендации директивы СНБ-68, в которой выражались с откровенностью, приличествующей строго секретному документу, дух этой директивы витает над рассуждениями тех, кто разъясняет кредо «трехсторонней комиссии». В самом деле:

«Стабильный мировой порядок, о котором часто говорят на Западе, нереалистичная цель... Больше того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долговременных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться во-

плотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы изменений, происходящие в „третьем мире“ и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не неблагоприятном для их ценностей...

Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорей стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффективное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам... Мы должны сформулировать перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

За обтекаемыми парламентскими формулировками кроется очевидное намерение во всевозрастающей степени вклиниваться в дела Советского Союза в интересах подрыва социалистического строя и утверждения «замен пресловутых „ценностей“ капитализма. Одновременно идет поиск союзников внутри Советской страны, каковыми, как всегда, признаются те, кого советские люди считают жалкими отщепенцами. „Политическая деятельность „диссидентов“, принадлежащих к „демократическому движению“, оказывает давление“, – констатируется в докладе. То самое искомое давление „изнутри“. Вот только что огорчительно: „Эти

группы малы... и не пользуются массовым влиянием“. Значимость их в глазах Запада в том, что они отстаивают те самые „ценности“ капитализма, то есть находятся на передовой линии фронта против социализма. Ведут бескомпромиссную борьбу, ибо, выделяется в докладе: „отношение к правам человека – одно из коренных различий между ценностями коммунистических и западных правительств. По своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами“.

Если так, тогда вот и признание из авторитетнейшего источника – кампания Запада о «правах человека» рассчитано наглая провокация! Но вернемся к докладу.

«Западные правительства... могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях ими прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть „идеологическая борьба...“. Западные правительства... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения „силой“ во внутренней политике восточных стран. Большая часть позитивных или негативных последствий в этих делах зависит от стиля и методов»⁸⁵.

Об этом «стиле и методах» достаточно понаслышались.

⁸⁵ «An Overreview of East – West Relations...», pp. 46-47, 9 – 10, 52 – 54.

10

Уникальным держателем арсенала «стиля и методов», конечно, не связанных с «открытыми правительственными попытками» подрывать государственный и общественный строй других государств, является Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

От УСС к ЦРУ

1

Ранняя история ЦРУ в Соединенных Штатах окутана клубком благостных легенд, намертво затянутых вокруг пламенной заботы о «национальной безопасности». «Своим существованием ЦРУ может считать себя полностью обязанным внезапному нападению на Пирл-Харбор и послевоенному расследованию той роли, которую сыграла разведка (или ее отсутствие) в том, что нашим вооруженным силам не удалось получить соответствующего своевременного предупреждения о готовящемся нападении Японии»⁸⁶, – объявила в 1955 году комиссия Г. Гувера, занимавшаяся реорганизацией американского государственного аппарата. Мнение по тамошним меркам сверхавторитетное, комиссией руководил экс-президент США.

Г. Трумэн, в президентство которого и было создано ЦРУ, всецело солидаризировался с этим выводом. Он сообщил в мемуарах, оконченных в 1956 году: «По сей день я часто думаю, что, если бы в то время информация, поступавшая правительству, координировалась, было бы значительно труднее, если бы это вообще оказалось возможным, для японцев

⁸⁶ Цит. по: Д. Уайз, Т. Росс. Невидимое правительство. М., 1965, с. 99.

преуспеть во внезапном нападении на Пирл-Харбор. Ведь в те дни военным не было известно все, что знали в госдепартаменте, а дипломаты не имели доступа к сведениям армии и флота».

После второй мировой войны положение президента стало совсем плачевным, жаловался Трумэн. «Необходимая ему информация поступала от различных ведомств. Военное министерство имело свое разведывательное управление – Джи-2, у флота своя разведка – управление военно-морской разведки. С одной стороны, госдепартамент получал информацию по дипломатическим каналам, с другой стороны – министерства финансов и сельского хозяйства имели собственные источники информации из различных частей мира о валютных, экономических и продовольственных проблемах. В войну ФБР вело некоторые операции за рубежом, и в довершение всего Управление стратегических служб (УСС), созданное президентом Рузвельтом и отданное под руководство генерала Уильяма Д. Донована, собирало за границей информацию. Разнобой в методах получения информации свидетельствовал, на мой взгляд, о дурной организации»⁸⁷.

Трумэн и выправил дело, основав в 1947 году в рамках реорганизованного высшего государственного руководства Центральное разведывательное управление в прямом подчинении Совету национальной безопасности (СНБ). В официальной истории ЦРУ, написанной в 1975 году для нужд се-

⁸⁷ H. Truman. *Memoirs. Years of Trial and Hope*, N. Y., 1965, v. 2, pp. 74, 73.

натской комиссии Ф. Черча, сказано:

«В законе (о создании ЦРУ) функции ЦРУ определялись очень неопределенно... На управление возлагались пять главных функций: 1. Давать рекомендации СНБ по вопросам, касающимся национальной безопасности. 2. Вносить рекомендации в СНБ о координации разведывательной деятельности различных ведомств. 3. Соотносить и оценивать разведывательные данные и обеспечивать должный доклад их. 4. Выполнять „функции, представляющие общий интерес“. 5. „Выполнять иные функции и обязанности, касающиеся национальной безопасности, которые СНБ сочтет необходимым указать...“ Тень катастрофы в Пирл-Харборе довлела над мышлением политиков, определявших цели централизованной разведки. Они считали, что ликвидируют условия, в которых оказался возможным Пирл-Харбор, – существование раздерганной разведки на военной основе, которая, используя современную терминологию, не могла отличить „сигналов“ от „шума“, не говоря уже о том, что не была в состоянии дать их оценку вышестоящим инстанциям».

Сказано складно, с точки зрения поверхностной логики сомнений не вызывает. Вашингтон собрался на войну с Советским Союзом и, естественно, озаботился упорядочить разведку. Все правильно. В той же официальной истории ЦРУ подчеркивается:

«Генезис Центрального разведывательного управления в мирное время восходит к Управлению стратегических служб

(УСС) периода второй мировой войны. В результате напористости и целеустремленной решимости организатора и первого начальника УСС Уильяма Д. Донована эта организация стала первым независимым американским разведывательным ведомством, создав в организационном отношении прецедент для ЦРУ. Функции, структура и особые навыки ЦРУ были в значительной мере почерпнуты у УСС»⁸⁸. То же правильно. Но только вот какой вопрос: если УСС и форма для отливки слепка – ЦРУ, то зачем потребовалось разбить эту форму за два года до основания ЦРУ, точнее, 20 сентября 1945 года, когда УСС было ликвидировано приказом Трумэна? Зачем президент собственными руками создал трудности, для преодоления которых, по его словам, и пришлось учредить ЦРУ? Что, в этом отношении он был слеп в 1945 году и прозрел в 1947 году?

Недоуменных вопросов бездна, и для ответа на них уместно обревизовать сжатым образом наследие, оставленное УСС в поучение и как руководство к действию для послевоенных американских спецслужб.

2

Что бы ни утверждали ревнители чистоты американской «демократии», Соединенные Штаты к началу второй миро-

⁸⁸ Final Report of the Select Committee to study Governmental operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Washington, 1976, v. 4. pp. 15, 7, 4.

вой войны были в избытке укомплектованы самыми различными службами шпионажа и контршпионажа. В этой сфере Вашингтон всегда предпочитая перебрать, не считаясь с неизбежными организационными издержками и материальными затратами. Они знали свое место и неплохо обслуживали текущие нужды государства. Так, вероятно, Соединенные Штаты и прошли бы через огненную грозу второй мировой войны, если бы руль государственного корабля держал человек меньшего калибра и с меньшей склонностью к тайной политике, чем Франклин Д. Рузвельт, нашедший себе понятливого партнера по делам потаенным – Уинстона С. Черчилля. Хотя по разным причинам (Черчилль – ввиду ограниченности ресурсов Англии, а Рузвельт – ввиду решимости с наименьшими потерями для США ввести мир в «Американский век»), оба положили гранитной основой своей политики стремление добиться победы над державами «оси» минимальной ценой для своих стран. К победе этой они стремились прийти во всеоружии, не растратив людских и материальных ресурсов в ходе вооруженной борьбы, с тем, чтобы продиктовать обескровленному миру свою волю. Наученные российским Октябрем 1917 года, Рузвельт и Черчилль понимали, что повторение кровопролития первой мировой войны для США и Англии – а развитие военной техники к 1939 году оставило бы далеко позади его масштабы – может оказаться роковым, привести к коренным социальным сдвигам. В конечном итоге и эту войну породил тот же

строй – капитализм.

Путеводная звезда самой разнообразной тайной деятельности в рамках большой стратегии этих стран – добиться ослабления и уничтожения держав «оси» прежде всего руками других. Теоретически, как добиться этого, секрета для Вашингтона и Лондона не составляло – действовать традиционными методами политики «баланса сил»: двое дерутся, третий радуется. Но вот методы! Тут много труднее...

С началом второй мировой войны Черчилль в воевавшей Англии и Рузвельт в невоевавших Соединенных Штатах стали изыскивать средства к достижению этой цели. За быстро растущей военной мощью англоязычных держав и в ее непроницаемой тени куда стремительнее развертывался потенциал для тайных операций. Многие самые секретные шифры держав «оси» оказались раскрыты криптографами западных союзников. Дешифрованные документы из германских источников докладывались Белому дому и Даунингстрит, 10, под кодовым названием «Ультра». Была поставлена эффективная служба дезинформации на самом высшем уровне, дабы подтолкнуть противника на желательные действия или воспретить проведение им опасных для Англии и США планов. Причем сделать так, чтобы врага ставить на гибельный для него путь, одновременно внушая, что он-де соответствует его лучшим интересам!

Английская разведка Интеллидженс сервис делилась своим необъятным опытом политических интриг и ставила на

ноги соответствующие подразделения американских спецслужб. Подразделения такого рода постепенно создал и возглавил друг Рузвельта генерал Донован, до войны процветавший юрист с Уолл-стрита. Коль скоро сильнейшей державой Старого Света, противостоявшей агрессорам, был Советский Союз, то наша страна оказалась в фокусе внимания Вашингтона и Лондона, стремившихся, не спрашивая хозяев, распорядиться нашей мощью в своих интересах. Расчеты эти, в конечном счете, строили на песке, но от этого отнюдь не убывало рвение, скажем, Донована, отвечавшее его кличке «дикий Билл».

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза оборвало подготовительную работу. Нужно было торопиться анализировать противоборство Советского Союза с европейскими державами «оси», с тем чтобы Вашингтон мог прийти к своевременным выводам и спланировать собственную политику. В компетентном исследовании вопроса подчеркивается: «Нападение на Россию сделало для него (Рузвельта) политически возможным назначить Билла Донована своим координатором информации»⁸⁹, о чем было объявлено исполнительным приказом президента 11 июля 1941 года. Первоначально было избрано самое туманное название «координатор» (термин УСС появился 13 июня 1942 года), чтобы как

⁸⁹ W Stevenson. A Man Called Intrepid. The Secret War. The Authentic account of the most decisive intelligence operations of World War II – and the superspy who controlled them. N. Y., 1977, p. 279.

сбить с толку врагов, так и обезоружить многочисленное ревнивое разведывательное сообщество, разгневанное и недовоевавшее по поводу появления соперника, а недовольными оказались 8 ведомств: ФБР, Джи-2, военно-морская разведка, разведка госдепартамента, таможенная служба министерства торговли, секретная служба министерства финансов, иммиграционная служба министерства труда, федеральная комиссия связи, занимавшаяся и радиоперехватами.

Они не могли взять в толк, что УСС, формально подчиненное комитету начальников штабов, а в действительности президенту, – орган стратегической разведки, подрывной работы и «черной» пропаганды, а все перечисленные ведомства оставались на своем прежнем положении, если угодно, тактической разведки, каждое только в своей сфере. Самое важное, добытое ими подлежало анализу УСС. Негодованию многотысячной армии военных разведчиков не было пределов, они почитали кощунством, что военных вопросов касаются руки каких-то штатских профессоров!

Но власть есть власть, и с ней нельзя не считаться, исполнительный приказ президента возложил на ведомство Donovan «сбор и анализ всей информации и данных, которые могут иметь отношение к национальной безопасности». Р. Клинтон, начинавший в УСС и дослужившийся до заместителя директора ЦРУ, через три с половиной десятилетия отметил в книге «Тайны, шпионы и ученые» (1976 г.):

«Положение, гласящее „сбор и анализ всех данных“, мно-

гозначительно и, разумеется, отражает дух той разведки „из всех источников“, который вдохновлял Донована, Аллена Даллеса, УСС и ЦРУ... В приказе был также изобретен термин „национальная безопасность“, который жив и по сей день и является удобным оправданием значительной части разведывательной деятельности и равным образом служит туманным оправданием почти всего, чего желает президент»⁹⁰.

Точнее, то, чего желает правящая элита в США. Создание УСС было важным этапом организационного оформления того, что называют «невидимым правительством», или «истеблишментом», в этой стране. В стенах руководящих органов УСС собралось немало представителей подлинных хозяев страны – богачей и сверхбогачей. Собрались, конечно, не для того, чтобы просто копить «информацию», а чтобы на основании оценок ее специалистами (в первую голову первоклассной профессуры, взятой в УСС) действовать – обеспечивать свои классовые интересы методами тайной войны. Патриции взялись служить себе. Обозревая генезис УСС, публицист Г. Уиллс подчеркнул, что генеалогическое древо ведомства в определенной степени восходило к английской Интеллидженс сервис:

«Генерал Донован ставил новую организацию по образцу английских специальных служб... Тайны, как добиваться единомыслия в рамках тайного отборного корпуса, пе-

⁹⁰ R. Cline. *Secrets, Spies and Scholars*, Washington 1976, pp. 75_76.

реходили от угасавшего к молодому империализму. Первые подразделения УСС проходили подготовку в Канаде... УСС было собранием „высокорожденных“. Здесь во время войны профессора вновь встретились со своими прежними самыми способными (и самыми богатыми) студентами. В УСС служили П. Меллон и его зять Д. Брюс вместе с сыновьями Дж. Моргана, отпрыском Дюпонов и Д. Диллоном. Чины получались легко (каждый из четырех сотрудников УСС был офицером), а военную дисциплину подчеркнуто игнорировали... Общий знаменатель для них – успешное продвижение. Впоследствии из УСС вышли, по крайней мере, двадцать послов»⁹¹.

В УСС потянулись некоторые русские эмигранты – внук Л. Н. Толстого Илья, князь С. Оболенский и другие. На связи УСС с правительством был старший сын Ф. Рузвельта Джеймс. В ведомстве трудилось немало юристов, обслуживавших крупнейшие корпорации. Когда известный в те времена публицист Д. Пирсон сообщил, что УСС «состоит из банкиров с Уолл-стрита», Донован принял это как должное и не протестовал.

Возникновение УСС было, помимо прочего, показателем коренной ломки ведения государственных дел на высшем уровне в США. За фасадом «демократии» в эти годы оформляется структура подлинной власти. Все это было вызвано

⁹¹ G. Wills. The CIA from Beginning to End, «The New York Review of Books», January 22, 1976, pp. 23 – 26.

к жизни чрезвычайными обстоятельствами второй мировой войны, в которой теперь принимал участие Советский Союз. Американские патриции не могли не понимать, что участие социалистического государства в вооруженной борьбе против держав «оси» неизбежно приведет к усилению демократии во всем мире. Учреждение УСС ярко свидетельствовало об их озабоченности будущим.

Очень проницательный американский историк А. Вульф попытался в общих чертах обрисовать подоплеку и цели тогдашних забот Вашингтона о проведении политики тайными методами (разумеется, не только через УСС):

«Создавшаяся атмосфера способствовала возникновению ощущения перманентного кризиса, который превратил представления о свободе речи и самоопределении в устаревшие. Они стали „роскошью“, по выражению сенатора Фулбрайта, пусть неудачному, но совершенно правильному. Поставив теории Льва Троцкого с ног на голову, новые государственные деятели вели дело в будущем к перманентной контрреволюции, многие из них, в сущности, копировали теории Троцкого, не понимая этого. Наилучший способ использовать преимущества войны заключается в том, чтобы всегда иметь войну, особенно если окажется возможным сделать это с минимальным участием в военных действиях.

Идеология перманентного кризиса стала ключевым элементом в изменении ценностей патрициев вместе с изменениями общих настроений. Большинство историков соглас-

ны, что важнейшей датой трансформации было 19 июня 1940 года, когда Рузвельт назначил двух патрициев-республиканцев в свой кабинет. Один из них, Генри Л. Стимсон, ставший военным министром, был человеком старомодных убеждений, но его роль не в том, что он делал сам, а в том, каких людей он подобрал делать это. Через Стимсона такие люди, как Р. Ловетт, Х. Банди, Дж. Макклой, стали служить государству. Они проповедовали новую мораль, согласно которой допустимы любые меры в пользу «национальной безопасности», лишь бы они были действенными. Без них двойственное государство не могло бы существовать, ибо их аристократизм служил прикрытием злонамеренной политики, часто имевшей в виду убийства. Их двойственная мораль, по замечанию Р. Барнета, «заключалась в том, что они начисто не придерживались личного морального кодекса, занимаясь государственными делами»⁹².

Сказанное имеет прямое отношение к УСС, ибо именно такая «мораль» отличала ведомство, работавшее в тесном контакте с Пентагоном, где трудились названные Вульфом люди. Всех их в УСС и Пентагоне намертво связывали незримые, но очень прочные, пожизненные узы. Пытаясь проследить эти связи, исследователь вступает на очень зыбкую почву, ибо затрагиваются высшие тайны американской правящей элиты. С разумными основаниями можно утверждать: рекрутский набор на высшие государственные

⁹² A. Wolfe. *The Limits of Legitimacy*, N. Y., 1977, pp. 182 – 183.

посты объявляется много раньше, чем избранные занимают кабинеты в офисах. По одной версии, сообщенной журналом «Эсквайр» в 1977 году, первые шаги к своей карьере избранные делают уже в привилегированных университетах. В Йельском университете, например, выпестовавшем немало будущих деятелей УСС и Пентагона, обратил внимание журнал, «почти полтора столетия существует общество „Череп и кости“, самое влиятельное тайное общество в стране и, возможно, одно из последних... Спросите-ка Аверелла Гарримана, есть ли в подвале некоего здания, похожего на гробницу, саркофаг, где он, молодой Генри Стимсон и молодой Генри Люс лежали в гробу и повествовали четырнадцати другим членам Ложи общества о тайнах своей юношеской жизни... Член общества военный министр при Рузвельте Стимсон, плоть от плоти американского правящего класса, назвал время, проведенное в гробнице, самым важным в его образовании. Никто, однако, из них не расскажет обо всем этом, ибо они связаны клятвой молчать до гроба»⁹³.

Признание в юношеских грехах и грешках, надо думать, самая невинная часть ритуала членства в этом обществе, именующем себя масонским. От членов требуется полное доверие друг к другу, а для этого нужно быть искренним до конца, преодолев естественное смущение, раскрыть перед ними даже интимные стороны жизни. Но дело много важнее – уже в университетах молодые люди объединяются в рам-

⁹³ D. Rosenbaum. An Elegy for Mumbo Jumbo, Esquire, September 1977, p. 85.

ках, если угодно, ордена единомышленников и верны этому единству всю жизнь. Фигурально выражаясь, «отделы кадров» этих учреждений лишь штемпелюют пригодность кандидатов, уже проверенную в студенческие годы. По этому критерию, вероятно, Стимсон в описанном случае подбирал, скажем, перечисленных лиц, которым вверялись ответственные посты. Свой корпоративный дух они принесли и на государственную службу.

Сам Стимсон на посту военного министра руководил, помимо официально обозначенных и обширных функций, делом первостепенной важности для успеха в тайной войне – в его ведении была служба дешифровки вражеских кодов, в которой были заняты многие тысячи людей. Как так, спросит читатель, искушенный в истории международных отношений между двумя мировыми войнами, ведь Г. Стимсон навсегда вошел в нее как поборник, если угодно, «чистоты» в дипломатии. Не кто другой, как он, будучи государственным секретарем при Г. Гувере в 1929 году, уничтожил пресловутый «черный кабинет», где перехватывалась и дешифровывалась переписка других правительств. Эта хрестоматийная история, повторяющаяся в бесчисленных американских трудах, в изложении специалиста Д. Кана выглядит следующим образом:

«Когда Стимсон узнал о существовании „черного кабинета“, он решительно осудил всю затею. Он считал: это низкое занятие – подглядывание в замочную скважину с грязными

намерениями, нарушение принципа взаимного доверия, на котором он строил свои личные дела и политику. Так оно и есть, и Стимсон отверг мнение, что патриотизм целей оправдывает эти средства. Он был убежден – США должны быть праведны, как сказал позднее: „Джентльмены не читают переписку друг друга“. Посему Стимсон прекратил финансирование „черного кабинета“ из средств госдепартамента».

После рассказа об этом бесчисленные благонамеренные авторы повествуют о золотом веке «наивности» в ведении политики Вашингтоном и о других вещах столь же возвышенных, как и малоправдоподобных. На деле же после упражнений Стимсона в высокой принципиальности, дополняет Д. Кан, «стоило Г. Стимсону прекратить финансирование „черного кабинета“, как командование армии решило укрепить и расширить работу по расшифровке кодов. Была создана Служба разведки связи»⁹⁴.

Вот что произошло в действительности. А со второй половины 1940 года Г. Стимсон по иронии судьбы оказался шефом обширной американской системы радиоперехватов и дешифровки. Вверенные ему подразделения и аналогичные учреждения, находившиеся в ведении флота, передавали добытые материалы Белому дому, а с созданием УСС анализировались и там.

Франклин Д. Рузвельт полагал, что отныне сможет, зная карты противника, в определенной степени направлять его

⁹⁴ D. Kahn. The Codebreakers, London 1978, pp. 6.

действия. Во многом он преуспел, хотя и потерпел фиаско в самом начале. Тому доказательство – Пирл-Харбор.

3

Итак, шел год 1941-й. Советский Союз сражался с Германией и ее европейскими сателлитами. В Вашингтоне не могли не знать, что агрессоры, в первую очередь Япония, заносят руку и на пока не воевавшую Америку. Знали, помимо прочего, и из перехваченных и дешифрованных данных потенциальных противников. Какие же выводы сделало правительство Ф. Рузвельта? Конечно, поддерживать противников держав фашистской «оси», дравшихся и за национальную безопасность Соединенных Штатов.

Но вот замечание У. Бакли, человека весьма просвещенного в тайных делах. В прошлом работник ЦРУ, мультимиллионер, один из прочнейших идеологических столпов «новых правых», ныне руководитель подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». В общем, по критериям американской элиты все при нем, потребное для нынешних правителей США. Этот Бакли как-то сказал, думаю, что обмолвился, сорвалось все-таки с языка, а именно:

«Известное замечание Стимсона 1929 года о том, что джентльмены не вскрывают переписки других лиц, было бы уместно при ином состоянии мира, однако угроза коммунизма делает для нас настоятельно необходимым прежде всего

сделать мир безопасным для самих джентльменов»⁹⁵.

В той тяжелейшей в истории человечества войне правители США стремились уничтожить своих непосредственных противников – державы «оси», но одновременно подорвать силы доблестного союзника – СССР. По понятным причинам вторую по непосредственной военной значимости, но первостепенную по классовым соображениям задачу пытались решать в основном тайными методами.

Ф. Рузвельт перед лицом нараставшей угрозы милитаристской Японии не видел ничего зазорного в том, чтобы отвлечь нападение остервенелых токийских военных лордов на США, соблазнив их походом против СССР. Эту задачу он пытался решить в сложных переговорах с Японией на протяжении почти всего 1941 года. Мне довелось рассказать обо всем комплексе проблем в книге «Загадка Пирл-Харбора», вышедшей двумя изданиями в СССР в шестидесятые годы, переведенной и выпущенной в социалистических странах (в Венгрии, например, она выдержала четыре издания), а также в Японии. Всплеск интереса к Пирл-Харбору в США в 1981 году, то есть в сорокалетнюю годовщину, привел к появлению многих новых книг и рассекречиванию массы американских документов. Из последних видно, что Пирл-Харбор подготовила японская агрессия и промахи Белого дома, где самоуверенно решили, что США во всеоружии секретных служб вольны формировать развитие событий.

⁹⁵ «The New York Review of Books», January 22, 1976, p. 31.

В самом деле, по сей день в США дебатировался вопрос о причинах внезапности японского нападения на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. Рассекреченные в 1981 году в США около полумиллиона страниц документов дают возможность продвинуться в понимании большой стратегии Рузвельта – попытаться отвлечь неизбежную японскую агрессию от США. Он затеял очень сложную игру, опираясь на казавшееся ему полным знание намерений врага – ведь в Белом доме читали шифропереписку Токио. С холодной расчетливостью Рузвельт смело вел свою игру, одновременно создавая впечатление, что связан по рукам и ногам внутренней обстановкой в США. В Токио поверили. Рассекреченные среди этих документов японские материалы «ныне просто увлекают, – заметил английский историк Дж. Костелло. – Из них видно, что японцы относились к Рузвельту (в переговорах с ними) за счет возрастающего воздействия кампании изоляционистов».

Вот это представление о неких внутренних силах, будто бы ограничивавших возможности Рузвельта (представление, созданное им самим!), подогрело тех в Токио, кто очертя голову решился на войну против, как им казалось, политически разъединенных Соединенных Штатов. Своей «покладистостью», имевшей в виду растолковать тогдашнему правительству Тодзио, что перед ним открыты иные, многообещающие перспективы, Рузвельт навлек беду на Соединенные Штаты. Ибо военная аксиома – ударить по слабейшему

врагу, каким в свете сказанного предстали перед японскими руководителями США по сравнению с Советским Союзом, сорвавшим гитлеровский блицкриг и уверенно отражавшим натиск вермахта.

Не вдаваясь в детали, можно уверенно утверждать – в Токио судили по реальным фактам, а не руководствовались их интерпретациями, которые пытался навязать японским политикам Рузвельт, взявший себе в помощники для этого Черчилля. Уже на основании первого ознакомления с рассекреченными в 1981 году документами Костелло заключает: «Президент и премьер-министр затеяли колоссальную игру, от которой зависели судьбы всего Тихоокеанского бассейна. Преисполнившись уверенности, что разведывательные материалы заблаговременно предостерегут их ото всех враждебных действий, они считали, что сумеют вести Японию на нитке дипломатии. При ретроспективном взгляде это оказалось одним из крупнейших стратегических промахов западных союзников в годы второй мировой войны»⁹⁶.

Потом выяснилось, что далеко не все японцы доверяли шифропереписке по радио, не все коды в 1941 году сумели разгадать американские криптографы и т. д. Рузвельт, наверное, сделал надлежащие выводы на будущее из прискорбной истории. В наследие историкам остались бесконечные споры по поводу образа действий президента, которые оживились

⁹⁶ J. Costello. Why America was taken by surprise. «The Sunday Telegraph», November 22, 1981.

в 1982 году неожиданным открытием. Оказалось, что в 1940 году Рузвельт записывал беседы в Белом доме. Микрофон был вмонтирован в настольную лампу на столе президента, а довольно громоздкое по тем временам экспериментальное оборудование находилось в подвале Белого дома. Профессор Д. Бутоу опубликовал эти записи, касавшиеся, помимо прочего, политики США в отношении Японии. Последовала небольшая буря в американской печати, припомнили никсоновский Белый дом и Уотергейт, журнал «Тайм» вскользь заметил о вновь открытом, «что это еще одно доказательство: нет героев перед звукозаписывающей аппаратурой»⁹⁷.

Так. Только встают новые вопросы, на которых нет ответа. Бутоу настаивает, что «Рузвельт вовсе не преследовал злоумышленные цели в стиле Макиавелли, звукозаписывающая аппаратура никогда не использовалась как ловушка для кого-либо». И вообще, подчеркивает он, она действовала каких-нибудь 11 недель⁹⁸. Близкий в свое время к президенту Никсону У. Сафайр мстительно припомнил в статье в «Нью-Йорк таймс», озаглавленной «Грязные дела Рузвельта»: «Глава ведомства, из которого выросло ЦРУ, генерал У. Донован предостерегал своих сотрудников в 1942 году (об этом рассказал мне один из них), чтобы они были сдержанны во время бесед в кабинете президента, ибо там „все за-

⁹⁷ «Time», January 1982, p. 31.

⁹⁸ The FDR Tapes, «American Heritage», February – March 1982, p. 15.

писывалось“⁹⁹. Значит, «11 недель» – легенда. Но главное в другом. По личным мотивам никсоновец У. Сафайр приоткрыл завесу тайны – УСС, надо думать, было одним из инструментов, при помощи которых Рузвельт вел пресловутую игру, приведшую к Пирл-Харбору. Провалились все – президент и великие умы из УСС – ведомства Донована.

4

К концу войны в УСС работало свыше 30 тысяч человек. Исполинский мозг ведомства, занимавший, вероятно, до половины его туловища, – Главное управление исследований и анализа (РА), возглавил маститый профессор истории Гарвардского университета У. Лангер. Первоначально разместившееся в библиотеке конгресса и никогда не порывавшее с ней, это гигантское подразделение УСС, напомнил К. Форд, биограф Донована, «в конечном итоге стало крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении. РА сняло сливки с факультетов общественных наук по всей стране, забрав специалистов всевозможных отраслей знаний. Географы давали сведения о землях и климате за рубежом, психологи изучали радиопередачи держав „оси“, доискиваясь скрытого значения, экономисты прорабатывали прессу, устанавливая размеры военного производства, ис-

⁹⁹ «The New York Times», January 17, 1982.

торики разъясняли смысл и причины международных событий. В конце войны в РА работали 1600 ученых в области общественных наук из одного только Вашингтона. Так возник своего рода национальный университет, не имевший равного ни раньше, ни после... В 1964 году М. Банди в книге „Возможности дипломатии“ писал: „Для истории науки поучительно, что первый громадный центр комплексных исследований в США был создан не в университете, а УСС в Вашингтоне во время второй мировой войны. В подавляющей степени программы комплексных исследований, введенные в американских университетах после войны, были укомплектованы или руководились людьми, прошедшими через УСС, это замечательное учреждение, состоявшее наполовину из оперативников, а наполовину из ученых. И на сегодня верно, а я верю, что так будет всегда, – между университетами и разведывательными органами правительства США существует высочайшая степень взаимодействия... РА послужило моделью для создания профессором Лангером в 1950 году в ЦРУ управления национальных оценок“¹⁰⁰.

Если взяться перечислять представителей старшего поколения американских ученых в области общественных наук, то есть тех, кто возглавил их после второй мировой войны, то труднее обнаружить не работавших в УСС. Большая часть из них отдала годы службе там. Напомним в дополнение к упоминавшимся именам историков А. Шлезингера, У. Ростоу,

¹⁰⁰ C. Ford. Donovan of USS, Boston 1979, pp. 111 – 149 – 150.

Э. Глисона, Ш. Кента, философа Г. Маркузе, экономистов Э. Масона, У. Хитча, Э. Деспрее, синологов Д. Фербанка, М. Вилбура.

Историк А. Шлезингер, вспоминая о своей работе в УСС, с оттенком гордости написал: «Там я встретил старого друга из Гарвардского университета Ф. Хортонa, в свое время написавшего отличную биографию Харта Крейна. В тридцатые годы Хортон был куратором зала поэзии в Библиотеке Виденера»¹⁰¹. Вердикт Р. Клина, несомненно, справедлив: Донован «поднял разведку с ее скромного статуса в военном мире, в котором она имела небольшой престиж и динамизм, превратив работу там в карьеру для предприимчивых гражданских лиц, обладавших широким кругозором. Традицию поддержало ЦРУ, которое систематически вербует к себе часть самых способных выпускников американских университетов. Они овладевают профессией разведчиков, учась у ветеранов УСС»¹⁰².

Мощным дополнительным стимулом для адептов науки была возможность в стенах УСС быть, конечно внешне, на равной ноге с отпрысками самых богатых и влиятельных в США семей. Ученым в заокеанской республике, несомненно знающим структуру власти, не могло не льстить общение с представителями семей Дюпонов, Райанов, Вандербильтов, Меллонов, Арморов, Брюсов.

¹⁰¹ H. Rozitzke. CIA's Secret Operations, N. Y., 1977, p. XIII.

¹⁰² R. Cline. Op. cit., p. 76.

Засилье ученых в УСС приятно поражало коллег – работников английских спецслужб, где также были широко представлены ученые. Это обнаруживалось по самым различным поводам. Когда зимой 1943/44 года английские штабы пытались оценить возможный ущерб от предстоящего обстрела Британских островов самолетами-снарядами, начальник английской научной разведки Р. Джонс получил приказ – принять американского инспектора. «Я был раздражен, – припоминал Джонс, – я знал, что мы работаем точно и не требуется никакой проверки со стороны, тем более что это влекло за собой раскрытие наших методов разведки». Приказ подтвердили, и вот «где-то в январе 1944 года прибыла американская инспекция, к нам пришел спокойный крупный мужчина, представившийся профессором прикладной математики Принстонского университета Х. Робертсоном. Он умолчал о том, что мы узнали впоследствии, – Робертсон был одним из ведущих мировых авторитетов в области теории относительности и входил в самую вершину руководства РА УСС в Вашингтоне. С таким человеком нам нетрудно было обсуждать все»¹⁰³.

Интеллектуалы и даже жрецы чистой науки, оказавшись среди профессиональных разведчиков и дельцов, приобретали неожиданные качества. Во всяком случае, они на диво не боялись крови и с величайшим увлечением погрузились в кровожадные предприятия. К временам УСС восхо-

¹⁰³ R. Jones. Most Secret War, London 1979, p. 480.

дят в США опыты над людьми и попытки разработать методы контроля над их поведением, различные средства для увеличения эффективности допросов и многое другое в том же роде. Давняя практика американских спецслужб ликвидировать опасных противников без следствия и суда была «научно» обоснована, а применительно к задачам ведения войны от нее ожидали великих результатов.

Некий неназванный профессор отчеканил положение: против держав «оси» необходимо «бороться террором против террора... Мы должны стать чудовищами, чтобы уничтожить чудовище». Новатор, описанный как «бормотавший под нос профессор», ввел в разведку прием, ставший практикой работы РА УСС. «То было прекрасное оружие при должном применении. Собирались все мельчайшие подробности о том или ином человеке, и вот вы могли представить его, как будто он был перед глазами». Первой жертвой новой техники стал Гейдрих ¹⁰⁴. Был составлен «психологический портрет», из которого явствовало, что нацистский палач весьма опасен. УСС и британские спецслужбы нашли чешских патриотов, которые убили Гейдриха и погибли в последовавшей немецкой облаве, а жители деревни Лидице пополнили многомиллионный мартиролог замученных фашистами.

Ближайший коллега Донована руководитель английской разведки У. Стефенсон много лет спустя после войны объяс-

¹⁰⁴ W. Stevenson. Op. cit., p. 378.

нял мотивы УСС и британских спецслужб в этом деле: «Нужно было морально подготовить население внутри „Крепости Европы“, наши партизанские действия должно было поддержать большинство населения. Был единственный путь обеспечить народную поддержку тайных армий – устроить побольше драматических актов сопротивления и контртерроризма»¹⁰⁵. Это отлично вписывалось в американо-английскую стратегию воевать чужими руками, но ведь, за исключением убийства Гейдриха, не слышали о других крупных «драматических актах», что, вероятно, неплохой критерий возможностей УСС. Не интриги спецслужб США и Англии, а беззаветная борьба советского народа пробудила и организовала европейские силы Сопротивления. Вооруженный до зубов фашизм могла сокрушить и сокрушила только превосходящая военная мощь – Красная Армия.

Бушевала гигантская война, а ученые-невидимки в УСС с патетической склонностью решать мировые проблемы предлагали руководству богатейший ассортимент планов, рожденных нетерпеливым воображением неопитов разведки. Уолтер Лангер, психоаналитик по профессии, приведенный в УСС маститым братом Уильямом Лангером, взялся выполнить поручение Донована – составить «психологический портрет» Гитлера, что, закатил глаза шеф УСС, будет иметь величайшее значение для судеб войны. Рассекреченное и изданное в начале семидесятых годов под заголовком «Внут-

¹⁰⁵ Ibid., p. 396.

ренный мир Адольфа Гитлера», исследование это скорее рисует «психологический портрет» руководства УСС, а следовательно, и ЦРУ. Написанного на 200 страницах о Гитлере достаточно, чтобы заставить даже современных психоисториков воскликнуть: «Довольно!» То внушительный коллективный экскурс в сферу фрейдизма.

Исследование, законченное осенью 1943 года, было написано на основании уже тогда объемистой литературы о Гитлере, опроса лиц, знавших его лично и оказавшихся по тем или иным причинам доступными УСС. Извлеченное из печатных публикаций и устных сообщений сравнили со скорбными листами душевнобольных и сделали вывод: «Гитлер, вероятно, психопат на грани шизофрении. Это не означает, что он безумен в общепринятом смысле, а неврастеник без надлежащих сдерживающих импульсов. Плюс страдающий раздвоением личности, в общем, тип, известный как „доктор Джекил и мистер Хайд“.

Поставив диагноз душевного состояния фюрера, психоаналитики от УСС поднялись на высоты обобщений, заключив: «Ведущие войну против Германии... должны осознать, безумие фюрера стало безумием наций, если не большей части (Европейского) континента. Речь идет не о действиях индивидуума, а о взаимоотношении между фюрером и народом, безумие одного стимулирует безумие других, и наоборот. Не только безумец Гитлер создал германское безумие, но германское безумие создало Гитлера... С научной

точки зрения мы должны рассматривать фюрера, Гитлера, не как воплощение дьявола с его отвратительными делами и философией, а как выражение умонастроений миллионов людей не только в Германии, но, пусть в меньшей степени, во всех цивилизованных странах. Устранение Гитлера только первый необходимый шаг, а не лечение... Мы должны обнаружить и исправить основные факты, которые вызвали этот нежелательный феномен. Мы должны вскрыть психологические истоки, питающие этот разрушительный склад ума, с тем чтобы направить их в должные каналы, что позволит дальнейшее развитие нашей цивилизации». От общего к конкретному – личности фюрера, и тут широко распахнулись двери творческой лаборатории УСС. за которыми оказался порядком изношенный инструментарий Фрейда.

В кучу было свалено все – мессианские наклонности Гитлера и слезы над мертвой канарейкой, механизм воздействия на толпу и народ вообще. Отсюда парализующая эффективность, по мнению экспертов УСС, речей фюрера. И, конечно, весьма документированная история его личной жизни от первоначальных наблюдений за родителями трехлетнего Адольфа! Отвергнув расхожие представления о гомосексуалистских наклонностях фюрера, психоаналитики со вкусом описали в мельчайших подробностях, как Гитлер валялся под ногами женщин, умолял бить его... Клинический случай классического мазохизма, потрясавший не осведомленных в патологии партнерш настолько, что две из них покончили с

собой, а пресловутой Еве Браун согласие на экстравагантные просьбы фюрера далось с трудом, через две попытки к самоубийству. Впрочем, привыкла, надо думать, и автоматически вогнала ему в бункере под имперской канцелярией в апреле 1945 года пулю из «вальтера» 6,35 в висок. Выполнила последнее пожелание фюрера.

Боги мои, боги! Зачем все это и к чему хвалебное и гадостное послесловие к отчету Д. Байта, писанное в начале семидесятых годов с подтверждением на основе послевоенных разысканий? И зачем заставлять читателя карабкаться по генеалогическому древу Гитлера, чтобы убедиться – его дед был евреем. Какое отношение это имело к жесточайшей войне и чем помогло выяснение этих обстоятельств Вашингтону? Как объяснил руководитель исследования У. Лангер во введении к своему опусу в 1972 году, «если бы такой анализ Гитлера был проведен на несколько лет раньше, в меньшей спешке и с большими возможностями получить информацию от очевидцев, тогда не было бы Мюнхена... президента Нго Дин Дьема и глубокого вовлечения США во Вьетнам. Исследования такого рода не могут разрешить международные проблемы. Ожидать от них этого слишком. Но они, однако, могут помочь избежать ряда серьезных просчетов, которые мы, вероятно, сделали из-за незнания ряда психологических факторов и характера лидеров, с которыми мы имели дело».

По Лангеру – блистающее беспристрастностью исследова-

ние. В части странных повадок Гитлера весьма возможно, но в целом анализ Гитлера убеждает: в УСС дисциплина была поставлена на славу, и давали «наверх», в Белый дом, только то, что могло польстить самолюбию получателя.

В самом деле, в исследовании сказано: «Есть все доказательства того, что единственный человек в мире, кто может бросить вызов Гитлеру в роли лидера, – Рузвельт. Все информаторы согласны: „Гитлер не боится ни Черчилля, ни Сталина. Он считает, что они схожи с ним, он понимает их психологию и может возобладать над ними. Для него загадка Рузвельт. Как можно возглавлять 130-миллионный народ и вести его без ругани и злоупотреблений, остается для него тайной. Он не может взять в толк: лидер и в то же время джентльмен. В результате он втайне восхищается Рузвельтом независимо от того, что публично говорит о нем. Вероятно, он в той же степени боится его, как не может предвидеть его действий“¹⁰⁶.

Коль скоро Лангер с учеными коллегами списали со счетов публичные высказывания фюрера об американском президенте, а обратились к тому, что фюрер думал о нем «втайне», то «Застольные беседы Гитлера», изданные в 1953 году, – стенографические записи его изречений в тесном кругу – очень подходящий источник для выяснения именно этих мыслей Гитлера.

¹⁰⁶ W. Langer. The Mind of Adolf Hitler. The Secret Wartime report, N. Y., 1972, pp. 141, 143, 153 – 155, 189, 192, 246, 26, 166 – 167.

Генеральная оценка им Рузвельта – президент «слабоумный». Он внушал своим приближенным: «Оба англосакса стоят друг друга... Черчилль и Рузвельт, что за шуты!... Рузвельт как в политике, так и вообще ведет себя как изворотливый, мелкотравчатый еврей... а Черчилль разнузданный боров, пьяный восемь часов из двадцати четырех». Что касается Сталина, то он, «безусловно, заслуживает уважения» и в «своем роде великолепный деятель»¹⁰⁷. Риббентроп, в разгар войны ознакомившись с оценкой СССР службой В. Шелленберга, говорил ему: «Я хорошо изучил ваши специальные доклады о России и обдумал положение. Затем я пошел к фюреру и откровенно заявил ему, что наш главный и самый опасный противник – Советский Союз, а Сталин обладает большими способностями как стратег и государственный деятель, чем Черчилль и Рузвельт, вместе взятые. Фюрер разделяет это мнение. Он заметил, что относится с должным уважением только к Сталину»¹⁰⁸.

Современные историографы американских спецслужб наверняка знают все это, но не придают этому решительно никакого значения, они горой стоят за честь мундира и настаивают – описанный анализ УСС Гитлера безупречен. Больше того, от написанного Лангером и К^о ведется отсчет аналогичных «исследований», выполненных и выполняемых в

¹⁰⁷ «Hitler's Secret Conversations 1941-1944». Ed. by H. Trevor – Roper. N. Y., 1953, pp. 442 – 476.

¹⁰⁸ D. Irving. Hitler's War, London, 1977, p. 610.

ЦРУ. Р. Клинтон, например, бесхитростно бросает в пользу этой точки зрения не только свой профессиональный вес бывшего высокопоставленного работника ведомства, но и авторитет своей побочной профессии – заметного в США историка (его перу принадлежит один из основных томов 99-томной истории армии США во второй мировой войне – «Командный пункт в Вашингтоне»). Он без колебаний заявил: «У. Лангер руководил созданием в высшей степени точного анализа личности Гитлера, опубликованного в виде книги много лет спустя, который открыл дорогу для проведения аналогичных исследований иностранных руководителей психоаналитиками ЦРУ»¹⁰⁹.

И снова хочется воскликнуть – боги мои, боги! Могли ли помыслить крупные историки – из американцев приходят на ум К. Беккер и Ч. Бирд, – какое применение найдет их методологический принцип релятивизма в руках ученых на чиновничьих постах в спецслужбах. Что очень устраивает их руководителей. Г. Розицкий в 1977 году положительно гордился тем, что ЦРУ «выдает психологические портреты ведущих политических деятелей в традициях опубликованного анализа УСС Гитлера, выполненного профессором У. Лангером»¹¹⁰. Уже и «традиции»!

Очень вероятно, что круг лиц, на которые составляются пресловутые «портреты», не ограничивается крупными де-

¹⁰⁹ R. Cline. Op. cit., p. 78.

¹¹⁰ H. Rositzke. Op. cit., pp. 221 – 222.

ателями. Еще более вероятно, что в ЦРУ сложилась практика заниматься этим в отношении людей, которые сочтены опасными для существующего в США строя, не только иностранцев, но и американцев. Похоже на то, что расследование, предусмотренное законом, заменяется совершенно произвольной процедурой составления анонимными специалистами секретного «психологического портрета», на основании которого наверняка могут быть сделаны выводы в отношении этого лица, опять-таки вне пределов, очерченных законом. Оперативность налицо – вместо многотомного следственного дела тощее досье «психологического портрета», являющееся основанием для внесудебной противозаконной расправы.

Конечно, это дела не такого рода, о которых кричит ЦРУ на каждом перекрестке.

Случилось это уже в 1971-1973 годах. В июне 1971 года «Нью-Йорк Таймс» начала публикацию отрывков из 47-томной секретной истории политики США в отношении Вьетнама. Она была написана в 1967 – 1968 годах по приказу отчаявшегося министра обороны Р. Макнамары, который, видя, что американская агрессия терпит поражение, поручил группе специалистов разобраться в причинах этого. 36 составителей доклада, официально именовавшегося «История принятия американских решений по Вьетнаму», получившего в прессе название «Бумаги Пентагона», «знали, – как сказано во введении к публикации, – что это, разумеется, неполная

история»¹¹¹. Но и преданного гласности было достаточно. Собранные документы неопровержимо свидетельствовали о том, что именно США развязали агрессивную войну.

При обмене мнениями в Белом доме министр обороны М. Лэйрд заверил, что более 95 процентов содержания материалов может быть рассекречено, «но нас беспокоил любой процент, пусть 1 процент, не подлежащий огласке», – вспоминал Р. Никсон¹¹². Правительство реагировало очень быстро, попыталось запретить дальнейшую публикацию. Безуспешно. Губернатор штата Джорджия Дж. Картер воззвал к некоему сенатору позаботиться о «принятии федерального законодательства, вводящего уголовную ответственность для средств массовой информации»¹¹³ и т. д. и т. п.

Скандал! Однако правительство не имело полной свободы действий, ибо продолжение войны во Вьетнаме уже вызвало глубокие разногласия в самой правящей верхушке. Конечно, публикация «Бумаг Пентагона» ничего не изменила в американской политике в Юго-Восточной Азии. Р. Зигфорд, автор неопубликованной диссертации о войне во Вьетнаме, хранящейся в библиотеке Л. Джонсона, заключил: «После сказанного и сделанного это исследование имело ничтожные результаты, если вообще о них приходится говорить, для вой-

¹¹¹ «The Pentagon Papers as published by the New York Times», N. Y., 1971, p. XIX.

¹¹² The Memoirs of Richard Nixon, N. Y., 1978, p. 509.

¹¹³ V. Lasky. It didn't start with Watergate, N. Y., 1977, pp. 285 – 286.

ны во Вьетнаме»¹¹⁴. Больше того, быстро обнаруженный виновник «утечки» Д. Эллсберг по мимо своей возмущенной совести – он провел 1964 – 1966 годы во Вьетнаме в качестве эксперта Пентагона, улетел туда «ястребом», а прилетел «голубем», – мог предъявить более существенный аттестат человека, связанного с ЦРУ. Что до «Бумаг Пентагона», то подборка, по словам Ф. Праути, «несомненно, преследовала цель – восхвалить высочайшим образом роль ЦРУ как разведывательной организации»¹¹⁵ – правительство не вняло советам ведомства, и вот вам результат!

Это создало особое положение для Д. Эллсберга. Он совершил, следовательно, поступок, похвальный в глазах могущественных противников Никсона. Эллсберга предали было суду, но обвинение провалилось. Он купался в лучах славы, его имя не сходило с первых страниц газет. Коль скоро Эллсберг оказался в фарватере мощного течения к Уотергейту, он оказался малоуязвимым.

В мае 1973 года выяснилось, что вслед за передачей «Бумаг Пентагона» в печать Эллсберг стал предметом зловещего внимания ЦРУ, получившего указание расправиться с ним. И вовсе не за то, что Эллсберг обратился из «ястреба» в «голубя». Как рассказал публицист В. Ласки в книге «Это на-

¹¹⁴ R. Sigford. *The Phetoric of the Vietnam War: Presidents Johnson and Nixon*, University of Minnesota. Ph. D. 1973, p. 190.

¹¹⁵ F. Prouty. *The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World*, Englewood Cliffs, 1973, p. 58.

чалось не с Уотергейта» (1977 г.), Г. Киссинджер, лично хорошо знавший разрекламированного правдолюбца, доложил президенту:

«Эллсберг знает важнейшие военные тайны, такие, как цели ядерного сдерживания». Речь шла о том, что в середине шестидесятых годов Эллсберг работал под руководством министра обороны Роберта Макнамары над выбором объектов, предназначенных для ядерных ударов. Эта тайна из тайн содержалась в секретнейшем документе – Главном интегрированном оперативном плане (СИОП). Киссинджер заявил Никсону, что утечка сведений о СИОПе будет иметь ужасающие последствия для национальной безопасности. СИОП намечал время и способы американского нападения с использованием ядерных бомб, в нем была конкретная информация о всех военных объектах, намеченных в качестве целей за железным и бамбуковым занавесом, включая количество и мощность ядерных боеголовок, предназначенных для каждой цели».

Хотя не было никаких данных, что Эллсберг собирается говорить публично о драгоценном плане СИОП, приказ президента был более чем категоричен: «Мне плевать, как это будет сделано, но сделать все, чтобы прекратить утечку информации. Я не желаю слушать, почему это не может быть исполнено»¹¹⁶. По команде приказ поступил на исполнение к ЦРУ, которое провело операцию под кодовым на-

¹¹⁶ V. Lasky. Op. cit., p. 282 – 283.

званием «Одесса» – составление «психологического портрета» Эллсберга. Вооруженные специальным оборудованием ЦРУ, взломщики по указанию ведомства проникли в кабинеты домашних врачей супругов Эллсберг, чтобы и там собрать недостающие материалы.

К ноябрю 1971 года ЦРУ сочинило «психологический портрет» Эллсберга. Руководитель операции Г. Лидди напомнил помощникам президента: «Открытая часть программы – судебное преследование (имелись в виду газетчики. – **Н. Я.**) по соответствующим федеральным законам. Остальные злоумышленники должны быть найдены, и с ними надлежит расправиться не менее сурово, но иными методами»¹¹⁷. По стечению бесчисленного количества обстоятельств, а скорее ввиду заинтересованности тех, кто хотел свалить Никсона, операцию «Одесса» предали гласности. Уотергейт начинался!

У. Колби, директор ЦРУ, написал в своих мемуарах:

«В мае 1973 года я прочитал в газетах историю, которая коренным образом потрясла мою жизнь и ЦРУ. Сообщалось, во время суда над Даниэлом Эллсбергом за раскрытие им „Бумаг Пентагона“ всплыло, что в кабинет пользовавшего его д-ра Льюиса Д. Фелдинга проник со взломом, использовав инструменты, полученные от ЦРУ, Х. Хант. Он искал материалы, которые затем должны быть переданы в ЦРУ и

¹¹⁷ D. Wise. The American Police State. The Government against People, N. Y., 1976, p. 403.

на основании которых ЦРУ предстояло подготовить „психологический портрет“ Эллсберга для Белого дома. Я был потрясен и никакие мог понять, почему я ничего не знал об этом, хотя на меня возложили сбор всех материалов в ЦРУ, касавшихся Уотергейта»¹¹⁸.

Мемуары Колби, конечно, отмечены особенностью жанра – ограниченной достоверностью. Но все же он мог недоумевать, ибо недоумевали и те в Белом доме, кто дал команду провести операцию «Одесса». Там наверняка смутно представляли технику работы ЦРУ, не допускали мысли, что и умудренное опытом ведомство оставляет следы. 17 марта 1973 года состоялся поразительный разговор между президентом Никсоном и его верным помощником Дином:

«Дин: Вот теперь эти оба – Хант и Лидди... Эти типы, должно быть, идиоты, о чем мы узнали, к сожалению, поздно. Они вломились в кабинет врача Эллсберга, обвешанные с ног до головы всей этой снастью ЦРУ – фотоаппаратами и прочим. Потом они вернули аппараты в ЦРУ с непроявленными пленками. ЦРУ до сих пор не понимает, к чему все эти материалы... Президент: Какого черта, боже мой, зачем это? ... Дин: Они пытались, что и было частью операции в связи с «Бумагами Пентагона», ну в общем, получить записи психиатра Эллсберга для каких-то целей. Ей-богу, я не приложу ума, зачем... Президент: (непечатная брань)... Дин: Вот

¹¹⁸ W. Colby and P. Forbath. *Honorable Men. My Life in the CIA*, N. Y., 1978, p. 337.

и получается – есть материал по поводу Ханта. Есть фото, проявленное в ЦРУ. На них Гордон Лидди стоит, красуясь как кретин у таблички «Вход в кабинет врача», а видно имя врача. И (непонятно) для следователя не составит труда сообразить и спросить – а зачем ломиться в кабинет врача, – обнаружат взлом, и пойдут по цепочке – выяснят, что Лидди занимался этим, займется им...»¹¹⁹.

Собеседники совершенно точно предсказали дальнейшее развитие событий. Так и случилось. Взлом кабинета врача занял виднейшее место в том, что называют Уотергейтом. Виновные пошли в тюрьму, что Никсон в воспоминаниях, вышедших в 1978 году, назвал «трагедией», ибо «Даниэл Эллсберг разгуливает на свободе»¹²⁰.

Но мы занимаемся не Уотергейтом, а констатируем в связи с ним – в этих условиях было совершенно невозможно принимать оперативные меры по «психологическому портрету» Эллсберга. На этот раз ЦРУ потрудились впустую.

История эта, помимо прочего, показывает: «наука» ЦРУ, восходящая к УСС, – дело очень тонкое, требующее высокой степени координации между высшей властью и исполнителями. Вероятно, механизм, по крайней мере в этом случае, разладился. Конечно, этого не могли предвидеть те, кто в годы второй мировой войны строил УСС и уверенно пла-

¹¹⁹ «The Presidential Transcripts. In conjunction with the staff of the Washington Post», N. Y., 1974, pp. 91 – 92.

¹²⁰ The Memoirs of Richard Nixon, p. 514.

нировал продолжение деятельности такого рода на мирное время. Под водительством Донована УСС записало в актив множество новинок, среди которых процедура «психологических портретов» наверняка не из самых выдающихся, во всяком случае по важности.

5

Хотя в центре забот УСС по очень понятным причинам находились державы «оси», там никогда не обходили вниманием союзника – Советский Союз. Это констатируется в американской специальной литературе, разумеется, только в общих чертах и, несомненно, с порядочной дозой дезинформации.

В исследовании Т. Пауэрса, вышедшем в 1979 году и являющемся, в сущности, историей ЦРУ, эскизно прослежены заботы УСС по поводу СССР в годы войны. Сославшись на работу Р. Смита «УСС: тайная история первого централизованного разведывательного ведомства» (1972) и присовокупив собственные разыскания, Пауэрс замечает: «История УСС, которая неразрывно связана с секретной политической историей войны, отмечена столь же ревностной работой против коммунистов, как и заботой о достижении победы над Германией. Некая женщина, работавшая на Аллена Даллеса в Берне, полагает, что фокус его внимания – примерно о чем думают, отходя ко сну и просыпаясь поутру, – стал переме-

щаться от Германии к России уже во время Сталинграда. В УСС, включая Хелмса, принимали как факт советско-американское соперничество на протяжении всей войны»¹²¹. То было дело, конечно, не только оперативного состава, но и ученых, работавших в УСС.

В истории советско-американских отношений в годы войны можно найти примеры попыток западных союзников дезориентировать нашу страну. Одна из наиболее памятных – информация, оказавшаяся ложной, о направлении предстоявших немецких ударов весной 1945 года. Обращают на себя внимание усилия США и Англии на самом высшем уровне привлечь внимание СССР к химерическому «Альпийскому редуту» в канун битвы за Берлин. Попытки сговора западных союзников (например, к Берне в 1945 году) слишком хорошо известны и были поводом для острого обмена мнениями между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом.

Но в целом интриги УСС против нашей страны в годы второй мировой войны не увенчались успехом. СССР выходил победителем. Это удваивало рвение УСС, занявшегося планированием политики США в отношении СССР в послевоенный период. Профессор Дж. Гэддис, просмотревший разрешенную ему часть архивов УСС, заметил в своей книге, вышедшей в 1982 году: «Больше всего и наиболее последовательно УСС в годы войны занималось при анализе советско-американских отношений вопросом о том, в какой мере

¹²¹ Т. Powers. *Op. cit.*, p. 29.

политика Запада сможет определить поведение Советов. См. доклады РА, № 523: „Политическая ориентация и мораль в СССР“, 23 февраля 1943 года; № 959 „СССР и Югославия“, 19 июня 1943 года; № 1109 „Основы советской внешней политики“, 1 сентября 1943 года; № 2073 „Русские цели в Германии и проблемы трехстороннего сотрудничества“, 11 мая 1944 года; № 2284 „Интересы американской безопасности в европейском урегулировании, 29 июня 1944 года; № 2669 „Возможности и намерения СССР в послевоенный период“, 5 января 1945 года“. Естественно, не раскрывая содержания этих докладов, Дж. Гэддис замечает, что в них исследовался вопрос „увязок“, а именно: как соразмерить „морковки“ и „дубины“ в усилиях Вашингтона „добиться уступок“ от СССР¹²². Вашингтонские руководители, решавшие, например, что предоставить СССР по ленд-лизу, в этой связи пытались определить «подлинные» потребности нашей страны, с тем чтобы ничего из отправленного нам не перешло на послевоенный период. Как в отношении врага, так и в отношении союзника – СССР американские и английские спецслужбы объединяли свои усилия, продолжает биограф Донована Форд:

«Оценки РА мощи Советского Союза отличались от выводов англичан, и прилежный исследователь русской истории профессор Героид Т. Робинсон из Колумбийского университета, который впоследствии возглавил Русский инсти-

¹²² J. Gaddis. *Strategies of Containment*, N. Y. 1982, pp. 18 – 20.

тут в этом университете, отправился в Англию в имевшееся там сходное с РА ведомство, размещавшееся в Оксфорде. После недельного обсуждения английские коллеги признали: „У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками“. Профессор Лангер настаивает, что ни одно правительство не имело в своем распоряжении ведомства, хотя бы приближавшегося к РА. „Включая немцев, – добавлял он, – они могли бы учредить такое ведомство, если бы захотели, но не обладали для этого должной компетенцией“¹²³.

Нет никаких сомнений, что усилия УСС во многом содействовали практически бескровной высадке войск западных союзников в Северной Африке в 1942 году. Несомненно, УСС сыграло определенную роль в организации Движения Сопротивления в европейских странах, оккупированных Германией. Конечно, УСС строго следовало классовому подходу, который препятствовал мобилизации Демократических сил на борьбу с фашизмом. А. Гольдберг, в годы войны возглавлявший подразделения УСС, пытавшиеся внедриться в рабочее движение в европейских странах, в 1946 году бросил упрек: США «из-за невежества и страха» не оказали «демократическим силам Сопротивления в Европе ту помощь, которой они заслуживали... что сузило размах и поддержку УСС наших союзников в подполье». Упрек, заметил в 1978 году бывший сотрудник американских спец-

¹²³ С. Ford. Op. cit., p. 152.

служб У. Пек, «противоречит собственным усилиям Гольдберга, ибо именно он сужал размах и эффективность деятельности УСС, не финансируя в равной степени все группы Сопротивления, особенно коммунистов, а они и составляли большинство движения»¹²⁴. Впрочем, с какой точки зрения смотреть – для руководства УСС то и был успех ведомства, который дал мощный толчок последующей послевоенной карьере А. Гольдберга, превратившегося к исходу семидесятых годов в великого знатока проблемы «прав человека» в американской интерпретации.

Длинная рука УСС и Интеллидженс сервис достигла ряда немецких штабов в преддверии высадки войск США и Англии во Францию в июне 1944 года. В новейшей западной литературе книга Д. Ирвинга «По следу лисицы» – тому один только пример. В ней не ставится под сомнение, что методы психологической войны оказались необычайно результативными для дезорганизации немецкого сопротивления во время вторжения. Успехи союзных войск, твердо вступивших на Европейский континент, должны разделить по крайней мере поровну Д. Эйзенхауэр с УСС и другими спецслужбами. Те, кто содействовал этому с немецкой стороны, генерал Г. Шпейдель и другие, впоследствии были вознаграждены, заняв высокие командные посты в НАТО в пятидесятые годы.

¹²⁴ W. Peck. The AFL-CIA. «Uncloaking the CIA», Ed. by H Frazier. N. Y., 1978, p. 257

По сей день не совсем ясна роль УСС в организации оппозиции Гитлеру в высших кругах Германии. Этим занимался А. Даллес, и, хотя заговор против Гитлера 20 июля 1944 года провалился, мало похоже, судя по последующему пути А. Даллеса, чтобы в Вашингтоне сочли его банкротом в этой важной операции тайной войны. Побочным результатом этой неудачи был неслыханный успех западных спецслужб: сыграв на подозрительности маньяка Гитлера, они помогли подвести под расправу нацистами самого популярного военачальника рейха фельдмаршала Роммеля. Верный служака рейха, он был отправлен на тот свет нацистами как «заговорщик» против Гитлера, каким он никогда не был!

Наконец, известно: помимо действий на «высшем уровне», УСС направляло на оккупированные территории вооруженные группы, создало, по крайней мере в Западной Европе, густую агентурную сеть. Донован, несомненно, гордился в первую очередь ролью УСС в формировании событий, а только потом как разведывательного органа. Это оказалось возможным только потому, что УСС сумело создать обширную агентуру в самых, если угодно, «чувствительных» ведомствах нацистской Германии.

В сентябре 1982 года были раскритикованы показания А. Даллеса перед одним из комитетов конгресса еще в 1947 году. Тогда, похваляясь успехами УСС, он указал: около 10 процентов личного состава гитлеровской разведки – абвера – были настроены против Гитлера и сотрудничали с УСС.

Руководитель абвера адмирал В. Канарис и его заместитель находились в прямом контакте с А. Даллесом, возглавлявшим резидентуру УСС в Швейцарии. По словам Даллеса, он «достиг определенных успехов, проникнув в германскую разведывательную службу, МИД Германии и некоторые другие ведомства»¹²⁵. Как известно, Канарис был казнен гитлеровцами по делу о заговоре 20 июля 1944 года. После войны ЦРУ приобрело для его вдовы виллу в Испании и выплачивало ей пенсию из своих фондов.

Когда глубокой осенью 1944 года войска западных союзников, оставив за собой Францию, встали на границу Германии, Донован начал хлопотать о будущем для своего ведомства. По всей вероятности, он счел именно этот момент наиболее удачным, успехи УСС, несомненно облегчившие марш союзным армиям к рейху, должны были быть свежи в памяти высших руководителей США.

18 ноября 1944 года Донован, очевидно, после предварительной устной договоренности подал Рузвельту бумагу, предлагая учредить после войны «центральное разведывательное ведомство» с обязательным подчинением его президенту. Задача ведомства – централизовать и координировать деятельность всех органов разведки, что «требуется для правительства в планировании и выполнении национальной политики и стратегии». Донован приложил к докладной проект директивы президента, в которой на будущее ведомство,

¹²⁵ «The Washington Post», September 29, 1982.

помимо указанных целей, возлагалось «проведение подрывных операций за рубежом» (пункт 3, подпункт «е»), и даже с одобрения президента ему «предоставлялись армейский и военно-морской персонал для выполнения своих функций и обязанностей» (пункт 10)¹²⁶. Итак, идеи Донована, определившие в конечном итоге структуру и деятельность ЦРУ, с самого начала предусматривали: на так называемую «разведку» возлагается задача подрыва государственного строя тех государств, на которые укажет правительство.

Не успел Рузвельт обдумать предложения Донована, как в декабре 1944 года разразилось немецкое наступление в Арденнах. Оно было полной неожиданностью, в Вашингтоне стали винить разведку, прошляпившую удар гитлеровцев. Кивали и на УСС, хотя провалилась в первую очередь Джи-2 и т. д. По горячим следам за этим 9 февраля 1945 года «Вашингтон таймс геральд» и «Чикаго трибюн» намекнули в лихих статьях о плане Донована, что президент-де собирается завести «гестапо», а оно «заменит все существующие федеральные полицейские и разведывательные органы, включая в армии Джи-2, военно-морскую разведку, ФБР, Службу внутренних доходов». Утечка информации была беспрецедентной, но кто осмелился вынести дело на страницы газет? К. Форд в 1970 году сокрушался: «Источник не был обнаружен». Р. Клинтон в 1976 году предположил: «Э. Гувер... вероятно, сообщил о предложении прессе», но только в 1978 году У. Колби

¹²⁶ R. Cline. Op. cit., pp. 83 – 84.

авторитетно заключил: «Гувер передал это (текст докладной Донована Рузвельту) журналисту»¹²⁷. В 1978 году быть смелым на книжных страницах ничего не стоит. Э. Гувер уже несколько лет как ушел в иной мир.

Смерть Рузвельта выбила почву из-под ног Донована. УСС было очень личным учреждением Рузвельта, и он унес в могилу замыслы, связанные с предлагавшейся Донованом «разведкой» на послевоенное время. На Трумэна насели все соперники УСС, стаю вел Гувер. Они указали на очевидное – исход войны решили многомиллионные армии, а где вклад УСС? Ведомство не отвоевало для США ни одной страны, следовательно, претензии его преувеличены. Хорошо, УСС делало многое, но сфера Донована простиралась только от Европы до Бирмы. Генерал Макартур не пустил УСС на Тихий океан и прекрасно обошелся с Джи-2. Взгляните на итог войны на Тихом океане! Латинская Америка всю войну оставалась за ФБР. Что, там хуже боролись с агентурой держав «оси»? А вот свежайший пример: лейтенанта из УСС Джона Бэрча после капитуляции Японии послали в Китай с простейшей миссией: помочь вызволить американских военнопленных из японского лагеря. Ротозей дал застрелить себя китайцам!¹²⁸

¹²⁷ С. Ford. Op. cit., p. 304; R. Cline, Op. cit., p. 85, W. Colby, Op. cit., p. 59.

¹²⁸ К. Форд замечает: «Хотя Бэрч не отличался резкими правыми взглядами, спустя годы имя этого раннего мученика коммунизма было экспроприировано американским экстремистским правым обществом»

Соперники атаковали именно то, чем был силен Доно- ван, – тайные операции УСС. Вероятно, они просто не знали, по каким извилистым дорожкам правительство Ф. Рузвель- та шло к тому, что со стороны представлялось только побе- дами американских вооруженных сил. Трумэн? Что Трум- эн! Оружие, изготовленное по руке политического тяжело- веса Ф. Рузвельта, – УСС – оказалось неподъемным для че- ловека, который каких-нибудь полгода назад был сенатором. Подтянуть тайные нити, ослабевшие со смертью Рузвельта, да и вообще с концом войны, еще предстояло, а постный Гу- вер поджимал рядом губы. Трумэн и распустил УСС, точнее, разделил на две части: РА ушло в госдепартамент, а подраз- деления агентурной разведки и контрразведка – в военное министерство.

Но уже 22 января 1946 года Трумэн учредил Централь- ную разведывательную группу, восстановившую некоторые функции УСС. Летом 1946 года Трумэн дал понять Гуверу, кто хозяин, – компетенция над Латинской Америкой была отнята у ФБР и передана этой группе. Было сделано то, че- го не мог добиться Донован при Рузвельте. Тем временем, сказано в официальной истории ЦРУ, «в марте 1946 года разведки армии, флота и авиации получили приказ совмест- но с Центральной разведывательной группой в максимально кратчайший срок дать самую квалифицированную разведы- вательную оценку Советскому Союзу. Широко задуманное исследование начали в атмосфере лихорадочной поспешно-

сти... При его выполнении с самого начала выявилось резкое противоречие... Каждое ведомство было заинтересовано в нем только с точки зрения своих интересов... Предполагавшееся значение Центральной разведывательной группы как связующего звена между различными министерствами было сведено до роли заурядного редактора. Доклад был закончен лишь спустя два года, в марте 1948 года»¹²⁹.

Закончен тогда, когда ЦРУ уже было создано и приступило к функционированию.

6

Американские историки, особенно так называемые «ревизионисты», на протяжении десятилетий жарко спорили о генезисе «холодной войны». «Ревизионисты» убедительно показали на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, что ответственность за «холодную войну» лежит полностью и исключительно на американском империализме. При полном согласии в этом они расходились в деталях – когда именно США начали «холодную войну». Некоторые относили этот момент к апрелю 1945 года, первым дням Г. Трумэна в Белом доме, другие указывали на март 1946 года – речь У. Черчилля в Фултоне и т. д. Спорят по сей день!

«Длительные дебаты по поводу генезиса холодной войны, – замечает Т. Пауэрс, – для ветеранов УСС представля-

¹²⁹ «Final Report...», v. 4, p. 13.

ются просто глупостью. По собственному опыту они знают – с самого начала холодная война была продолжением настоящей войны». Подразделения УСС явились в Берлин вместе с американскими оккупационными войсками и «занялись теми же делами в отношении русских (установлением размеров и дислокации воинских частей), органов политического контроля и теми же методами (через агентов), что они делали всего за несколько недель до этого в отношении Германии. Никто еще не называл Россию врагом, но к ней относились именно так»¹³⁰.

Американские спецслужбы немедленно подобрали тех, кто служил гитлеровцам на оккупированной территории СССР и успел унести ноги вместе с отступавшим вермахтом. О том, как сначала УСС, а затем ЦРУ пригревали и использовали матерых палачей и убийц, известно очень мало. По сей день это тайна за семью печатями ЦРУ. В мае 1982 года бывший сотрудник министерства юстиции США Дж. Лофтус передал в печать сведения: после победы над Германией УСС, а затем ЦРУ тайно обеспечили въезд в США примерно 300 гитлеровских наймитов, бесчинствовавших в Белоруссии.

Иммиграционные законы в США, как известно, достаточно жестки. Великая «демократия» похвально не даст себя приюта «фашистам», каковыми, вне всяких сомнений, являлись названные Лофтусом подонки. Последовал неболь-

¹³⁰ Т. Powers. *Op. cit.*, pp. 29 – 30.

шой скандал. Проверили списки лиц, въезжавших в США в те годы, в том числе по закону 1948 года, дающему право президенту допускать в страну 100 человек по собственному усмотрению в обход иммиграционных властей. Никаких следов об этих 300 из Белоруссии. Оно и понятно, их, сообщила «Вашингтон пост», в США «использовали как шпионов и пропагандистов против Советского Союза в „холодной войне“¹³¹. А на руках некоторых из них кровь десятков тысяч людей, убитых в Белоруссии во время нацистской оккупации.

За давностью – некоторые из них-де умерли, другие на пенсии – совместными усилиями ЦРУ и заинтересованных ведомств дело замяли. Представитель подрывной радиостанции «Свободная Европа», которому указали, что иные из упоминавшихся лиц все еще подвизаются у него на радио, нагло ответил: «Не берусь выносить суждение по поводу того, что делали эти люди 40 лет назад»¹³².

Шпионаж в общепринятом смысле, конечно, был заботой ЦРУ с первых дней его существования, но это была рутинная деятельность, не вызывавшая особых эмоций у сотрудников ведомства. Работа как работа. Подлинный душевный подъем у тех, кто заполнял бесчисленные вакансии в стремительно развертывающемся ведомстве, вызывала официально санкционированная функция ЦРУ – «тайные операции», проще

¹³¹ «The Washington Post», May 18, 1982.

¹³² «The Washington Post», May 20, 1982.

говоря, подрывная работа. Подавляющее большинство сотрудников ЦРУ видели в этом смысл создания ведомства и смысл собственной жизни.

Знаток тайных дел Ф. Праути во всеоружии долголетнего опыта указал:

«ЦРУ использует свою функцию разведки для прикрытия оперативной работы. Больше того, ЦРУ использует собственную разведку как инициатора своих тайных операций. Именно это понравилось в свое время генералу Доновану, когда президент Рузвельт спустил его с цепи во главе УСС, и именно это является движущей силой кадровых работников ЦРУ с тех пор»¹³³.

То были волнующие дни и годы для ветеранов УСС, вернувшихся к своим занятиям. Пишет Г. Розицкий:

«Весной 1948 года Белый дом считал, что война с Советским Союзом на пороге... В умах работников управления специальных операций ЦРУ на этот счет не было никаких сомнений. Враг – Советский Союз, и „советская цель“ – наша миссия. Мы профессионально и эмоционально посвятили себя только этой задаче. Мы рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как против Гитлера. Мы работали днями и ночами без выходных в обстановке нарастающего напряжения. „Холодная война“ была „горячей“ для наших оперативников, на карте стояла жизнь агентуры. Даже ныне, когда о настроении-

¹³³ F. Prouty. Op. cit., p. 61.

ях того времени можно судить относительно спокойно, трудно определить общую общественную атмосферу, в которой мы начали нашу работу. На ум сразу приходят термины „истерия“ и „паранойя“. И если основное значение первого – „эмоциональная возбудимость“, а второго – „постоянная мания преследования“, то они подходят. Однако термины эти несут очень большую смысловую нагрузку, и стоит прибегнуть к более спокойному определению – „образ мышления холодной войны“¹³⁴.

Настроения эти генерировались на вершине американской государственной пирамиды, откуда исполнителям, в том числе ЦРУ, спускались надлежащие директивы и инструкции. В официальной истории ЦРУ особо выделяется, что «предложения о начале тайных операций» первоначально исходили не от разведывательного сообщества, и были выдвинуты правительством, которое уже в декабре 1946 года дало указание о ведении «психологической войны» в мирное время.

Первоначально постановили возложить проведение ее государственный департамент, получили на это одобрение Трумэна, но быстро одумались. Государственный секретарь Дж. Маршалл «яростно выступил против, указан, что если такая деятельность госдепартамента будет разоблачена, это поставит его в затруднительное положение и дискредитирует американскую внешнюю политику». Директивой Совета на-

¹³⁴ Н. Rositzke. Op. cit., p. 1, 13.

циональной безопасности СНБ 4/А от 14 декабря 1947 года ведение «психологической войны» было закреплено за ЦРУ. Официальная история ЦРУ продолжает:

«Дипломаты и военные, разумеется, хотели сохранить контроль за тайными операциями „психологической войны“, но не хотели нести ответственности за оперативную работу. Министерства боялись разоблачения их связи с проведением этих деликатных операций. ЦРУ предоставляло все преимущества для проведения тайных операций. Больше того, по положению на 1947 год треть сотрудников ЦРУ были выходцами из УСС. Наличие кадров бывшего УСС, имевших опыт в этих делах в военное время, давало возможность ЦРУ быстро планировать и проводить надлежащие действия. Это в сочетании с имевшимся аппаратом обеспечения за рубежом дало возможность ЦРУ немедленно приступить к действиям. Кроме того, ЦРУ располагало неподотчетными фондами для шпионажа, следовательно, не было необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями. Коль скоро министерства не захотели взять на себя риск, связанный с тайными операциями, ЦРУ и явилось подходящим механизмом для проведения их».

Операции «психологической войны» согласно директиве СНБ 4/А определялись примерно следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением

лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазиевоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями»¹³⁵.

ЦРУ по уши окунулось в эту работу, естественно, в первую очередь в более доступной сфере – в капиталистических странах, начав борьбу с прогрессивными силами. Теперь уже хорошо известно, что именно через ЦРУ Соединенные Штаты стремились подорвать в Западной Европе рост авторитета и влияния коммунистических партий, в особенности в Италии и Франции.

Директивы Совета национальной безопасности, например, относительно действий в Италии, опубликованные в США с тех пор, пестрят отточиями после указания на необходимость принятия «всех осуществимых мер». Р. Клинт замечает: «Эти три-четыре точки в документах СНБ точно указывают, когда „все осуществимые меры“ – не допустить победы коммунистов на апрельских (1948 г.) выборах – переходили в такие тайные действия, в которых дипломаты из американского посольства не могли прямо участвовать». Хорошо, оставим это. Но и в опубликованной части директивы СНБ 1/2, касающейся Италии, значилось: в случае победы коммунистической партии на парламентских выборах «поставлять вооружение и снаряжение в Италию при условии, что оно попадет только в руки антикоммунистических сил и

¹³⁵ «Final Report...», v. 4, pp. 28 – 29, 26.

не будет допущено, что им завладеют коммунисты»¹³⁶. ЦРУ провело массированное вмешательство во внутренние дела Италии. И все под флагом борьбы с Советским Союзом!

То были времена «плана Маршалла», оглушительной пропагандистской кампании на Западе, расписывавшей на все лады блага американской «помощи». Усиленно лепился образ «бескорыстной» Америки. Как совместить высокую риторику с наглой подрывной деятельностью, которую Вашингтон, в первую очередь через ЦРУ, развернул буквально по всему миру? «Проколы» начались почти немедленно, то там, то здесь вспыхивало возмущение по поводу бесцеремонных действий американских спецслужб.

В Вашингтоне отчетливо видели опасность последствий разоблачения подрывной работы. Великие умы Совета национальной безопасности озаботились сочинить для ЦРУ 18 июня 1948 года директиву СНБ 10/2 по поводу проведения «специальных операций». Впервые опубликованная в 1978 году, эта директива беспримерна по цинизму. В ней упорядочивалось ведение ЦРУ подрывной работы, для чего учреждалось специальное управление. Дабы руководство ЦРУ точно знало, чего от него ждут, в директиву СНБ 10/2 вписали пункт, дававший исчерпывающее определение указанной деятельности:

«Под термином „тайные операции“, употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности

¹³⁶ R. Cline. Op. cit., p. 101.

(за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник – правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, – поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций»¹³⁷.

Положения, сформулированные в директиве СНБ 10/2, окончательно определили роль ЦРУ как орудия для подрыва государственного строя других стран, в первую очередь Советского Союза. Эта директива, отмечено в официальной истории ЦРУ, «уполномочивала гигантское увеличение раз-

¹³⁷ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945-1950», Ed. by F. Etzold and J. Gaddis, N. Y., 1978, 127 – 128.

маха тайных операций против Советского Союза, включая политическую и экономическую войну, квазिवоенные операции». Один из инициаторов директивы СНБ 10/2, Дж. Кеннан, давая показания в комиссии Черча в 1975 году, проследившая меры, принятые в ее исполнение, заметил: «Дело пришло к созданию внутри ЦРУ управления для ведения этой деятельности, в котором занято очень много народу. Развитие пошло не так, как полагал я и мои коллеги в государственном департаменте. Мы-то думали, что этот орган будет действовать только в случае необходимости».

Речи Кеннана в 1975 году носили, мягко говоря, странный характер, та самая «необходимость» подрыва государственного строя СССР в глазах, определяющих работу ЦРУ, введена как постоянная функция. Соответственно и развертывались надлежащие подразделения ЦРУ, объединенные тогда в рамках управления координации политики (ОПК). Аппарат ОПК действительно был громадным, уже к 1952 году его отделения были в 47 странах.

В официальной истории ЦРУ эпически повествуется: «В политических директивах, спускавшихся ОПК, эта Деятельность поощрялась, причем не предусматривалось ее тщательной проверки и контроля. Должностные лица во всем правительстве считали Советский Союз агрессором, и действия ОПК обосновывались на основании этого всеобщего убеждения. В серии директив СНБ, которыми утверждались тайные операции, выдвигались самые широкие Цели, и в са-

мых дерзких выражениях требовалось лицом к лицу встретить советский вызов. После первой директивы в 1948 году директивы 1950 – 1951 годов требовали усиления этих действий, причем их критерии не устанавливались... Два поколения сотрудников ЦРУ выросли при этой системе»¹³⁸. У. Колби подчеркивает: «С созданием ОПК завершилось развертывание ЦРУ... и на протяжении последующих двух десятилетий ведомство существовало почти точно так, как планировал Донован будущее для УСС»¹³⁹.

Помимо чисто оперативных задач, директива СНБ 10/2 ввела в обиход официальной американской политики доктрину «правдоподобного отрицания». Решением Совета национальной безопасности ложь отныне становилась инструментом государственной политики, о чем официально доводилось до сведения американских спецслужб как руководящий принцип их работы. Выдвинутая первоначально для обслуживания нужд ЦРУ, доктрина «правдоподобного отрицания» завела Соединенные Штаты очень далеко. Как заметил Г. Розикский, «тайные операции при президенте Трумэне редко становились предметом общественного внимания, и для правдоподобного отрицания требовалось немногим больше, чем заявление „никаких комментариев“». При президенте Эйзенхауэре тайные операции достигли своего расцвета, пятидесятые годы – десятилетие широких тайных про-

¹³⁸ «Final Report...», v. 4, pp. 31 – 33.

¹³⁹ W. Colby. Op. cit., p. 73.

грамм. Эйзенхауэр санкционировал операции в Иране, Гватемале и против Кубы, расширил механизм тайной пропаганды, созданной при президенте Трумэне, и бесконечно вмешивался во внутренние дела других стран“¹⁴⁰. В результате «правдоподобные отрицания» нарастали как снежный ком.

Если так, тогда проясняется генезис широко известного «кризиса доверия», поразившего Соединенные Штаты на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Он при ближайшем рассмотрении оказывается не результатом стечения обстоятельств и дефектов государственных деятелей, а следствием распространения норм работы ЦРУ на официальную политику Вашингтона. Обо всем этом, особенно в связи с Уотергейтом, было сказано в США немало неприятных слов по поводу вашингтонских порядков.

Конечно, после редакторской правки. А вот уже упоминавшаяся неопубликованная диссертация американского исследователя о риторике президентов Джонсона и Никсона касательно войны во Вьетнаме завершается просто и сурово:

«Самый ужасающий побочный продукт нечестности правительства – полное отсутствие раскаяния. Заявление, которое изобличается как ложное, объявляется Белым домом „недействительным“, сознательная ложь перед сенатом – „ошибкой“. Правительство, считающее себя выше закона во внешних делах, скоро обращается к нацистской тактике в де-

¹⁴⁰ Н. Rositzke. Op. cit., p. 154.

лах внутренних. В результате „Большая ложь“ стала составной частью американской системы правления, и обычный гражданин ныне не защищен от преступных посягательств правительства... Одну и ту же риторику использовали, ввергая страну в войну во Вьетнаме и вытаскивая ее из преступной трясины Уотергейта. Пикантная ирония в том, что президент Никсон воскресил риторику, которая в конечном счете развалила великое большинство, шедшее за Джонсоном, а особенно смехотворно: примитивная и серая риторика, бесконечно вращающаяся в том же круге, дает возможность успешно, без конца обманывать большинство народа»¹⁴¹.

Оттого, что доктрина «правдоподобного отрицания» была безмерно растянута, примитивности и серости в ней не убавилось. По основательной причине: это средство вполне соответствует целям, для которых оно было изобретено и применяется.

7

У. Колби вспоминал о начале своей работы в ЦРУ в первой половине пятидесятых годов:

«На меня была возложена задача создать необходимую тайную организацию в некоторых Скандинавских странах.

¹⁴¹ R. Sigford. The Phetoric of the Vietnam War: President's Johnson and Nixon, pp. 201.

Центральные подразделения ЦРУ в этих целях направили в Скандинавию американских агентов под видом бизнесменов и других. Согласно нашей практике американские власти, президент США или его посол могли бы выступить с „правдоподобным отрицанием“ своей роли, если бы не была доказана связь этих агентов со мною, штатным сотрудником ЦРУ, работавшим в посольстве США. Это означало, что я должен был поддерживать связь с этими агентами столь же тайно, как будто речь шла о настоящих шпионах».

К чему такие предосторожности? Колби был вовлечен в великолепное предприятие: согласно тогдашним американским планам войны против Советского Союза, как мы видели, на первом этапе боевых действий планировалось отступление перед Советскими Вооруженными Силами из Западной Европы. Поскольку война ожидалась в самом ближайшем будущем, «если русские сумеют взять все или некоторые страны Европейского континента, ОПК хотело заранее создать возможности для введения в дело хорошо вооруженного и организованного движения против оккупантов. В отличие от оперативных групп, которые УСС посылало в годы второй мировой войны для помощи маки и другим движениям Сопротивления, на этот раз ОПК не рвалось вооружать и организовывать этих партизан после оккупации, прибегая к таким опасным и малонадежным операциям, как ночные полеты, сброс вооружения и снаряжения, выброс парашютистов по ту сторону фронта. Теперь мы намеревались со-

здать условия для сопротивления до оккупации, больше того, еще до начала боевых действий. Мы были преисполнены решимости немедленно организовать и снабдить Сопротивление, пока располагали временем с минимальным риском. Итак, ОПК выполнило крупную программу создания в тех европейских странах, которые представлялись потенциальными целями советского наступления, того, что на жаргоне разведки называется „оставленные позади гнезда“, – тайную инфраструктуру, руководителей, вооружение и снаряжение. Все это предстояло ввести в действие в надлежащее время для проведения саботажа и шпионажа».

По странам Западной Европы зашныряли американские агенты, насаждая в них агентуру с проблематичной задачей когда-то воевать, а пока поступивших на службу спецслужб США. Устраивались тайные склады оружия, устанавливались радиопередатчики, подбирались места для совершения диверсий на коммуникациях, объектах, имеющих важное значение, и пр. Часть агентуры из местного населения, завербованная ЦРУ, проходила специальную подготовку. Вот что пишет Колби о своей работе в Скандинавии:

«Сеть из местных граждан создавалась так, что их правительства ничего не знали об этом. Я не могу уточнять страны, ибо это не только нарушит подписку, данную мною ЦРУ, но и договоренность, достигнутую с ними о сотрудничестве тогда, на которой основывается и любое сотрудничество в будущем... Во всех странах, не смотря на их очень различные

политические отношения с США и СССР, предание огласке того, что ЦРУ создало „оставленные позади гнезда“ в предвидении советской оккупации, заставило бы соответствующие правительства немедленно положить конец этой программе»¹⁴².

Вне всякого сомнения, эта деятельность ЦРУ была ярко выраженной подрывной работой, провокационной в отношении Советского Союза, и в то же время наглым вмешательством во внутренние дела государств Западной Европы. Нет необходимости обладать большим воображением, чтобы представить себе, какое давление эта «инфраструктура», созданная для большой войны, оказывает на прогрессивные силы в данной стране.

ЦРУ поторопилось создать вооруженное антисоветское подполье в нашей стране. Засылка агентуры в СССР приобретает широкий размах с 1949 года. Сухопутным, морским и воздушным путями бандиты, прошедшие подготовку в различных школах ЦРУ, пытаются проникнуть на территорию нашей страны из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана и Японии. Помимо попыток создания подпольных вооруженных банд, им вменялся в обязанность сбор военной информации. Разгар этой деятельности падает на 1949 – 1954 годы. Частично самолеты, нарушавшие советское воздушное пространство, принадлежали непосредственно ЦРУ, главным же образом – девятой воз-

¹⁴² W. Coiby. Op. cit., p. 97, 82, 93, 83.

душной армии США, дислоцировавшейся в Западной Германии.

Т. Пауэрс повествует о тех днях, когда в Вашингтоне готовились вот-вот пойти походом на СССР:

«В разгар „холодной войны“ в 1948 – 1952 годах задачи перед ЦРУ ставили в основном военные. Комитет начальников штабов составлял заявки, некоторые из них были реальны (например, для агентуры в Западном Берлине), а другие нереальны. В один прекрасный день в 1950 году три полковника связи ВВС явились в одно оперативное управление ЦРУ. Они принесли начальнику управления Ф. Линдсею и его заместителю очередную „заявку“. Полковники заверили, что она тщательно обдумана. Нужно готовить диверсии на советских аэродромах.

Прекрасно! Что же конкретно хотят ВВС?

Полковники сказали – в день начала войны, назначенной для целей планирования на 1 июля 1952 года, на каждом аэродроме должен быть агент ЦРУ. Сделаем, ответил Линдсей, вероятно, решив, что это будет много легче по сравнению с некоторыми другими задачами, которые ставились перед ним в это время. Да, мы сделаем это. Но заместитель Линдсея не был в этом уверен. Он спросил:

– Сколько всего аэродромов? – Около двух тысяч, – ответили полковники. – Какие это аэродромы? – продолжил заместитель. – Некоторые с твердым покрытием, некоторые без него.

– М-м-да, – промямлил заместитель Линдсея. А про себя подумал: две тысячи аэродромов по всей России и Восточной Европе. Менее чем за два года подготовить и отправить, по крайней мере, две тысячи агентов. И только бог знает сколько с ними послать взрывчатки. Для выведения из строя аэродрома без твердого покрытия нужен массивированный налет, и все равно через несколько часов взлетно-посадочные полосы восстановят... Тут заместитель Линдсея спросил, какие же методы предполагается использовать для диверсии»¹⁴³.

Полковники пообещали сообщить позднее, и больше в ЦРУ не слышали об этом плане ВВС.

Решение о заброске важнейших агентов иногда принималось на самом высшем уровне. В одном случае, относящемся к президентству Эйзенхауэра, дело выглядело примерно так. Директор ЦРУ А. Даллес явился на дом к брату – государственному секретарю Дж. Ф. Даллесу и оповестил о великих результатах, каковые воспоследуют от очередной тайной операции. Госсекретарь, не сходя с места, соединился по телефону с Эйзенхауэром. Итак: «Босс, как ваши успехи на „Бернинг-три“ (площадка для игры в гольф) сегодня?... Ну, шесть лунок лучше, чем ничего... Да, я говорил с Алленом. Он хочет получить у вас одобрение одного дельца. Он думает, что это важно и поднимет мораль ребят Фрэнка (Ф. Визнер, глава ОПК). Знаете, со времен Гватемалы и Ко-

¹⁴³ Т. Powers. *Op. cit.*, pp. 44 – 45.

реи мы их не очень загружали. Вы встретитесь с ним завтра? Прекрасно. Как мама (супруга президента)? Хорошо, босс, я скажу Аллену. В 9.30 утра завтра. Спасибо, всего хорошего»¹⁴⁴. Только и дела. Операция согласована, господа договорились. А несколько дураков, завербованных ЦРУ, отправляются на верную гибель.

Первоначально, имея в виду предстоявшую вскоре войну против СССР, в ЦРУ были преисполнены самых радужных надежд, засылая агентуру в СССР. В какой-то степени эти надежды питались тем, что ЦРУ получило в наследие материалы гитлеровских спецслужб, работавших против Советского Союза. Например, всю технику изготовления советских фальшивых документов. Однако очень скоро первоначальный оптимизм рассеялся. «Теоретические» представления, господствовавшие в ЦРУ, проводившем прямые аналогии с работой УСС, – американская агентура встретит-де в социалистических странах радушный прием в «подполье» – рухнули. Такого не было в помине. За исключением единичных случаев, агенты ЦРУ не находили сообщников. В этом отношении, сухо комментирует Р. Клине, «наследие УСС оказалось в лучшем случае весьма сомнительным, а иногда оборачивалось катастрофой»¹⁴⁵. Последнее верно – стопроцентная ликвидация забрасываемой американской агентуры, конечно, была катастрофой для ЦРУ.

¹⁴⁴ F. Prouty. Op. cit., p. 164.

¹⁴⁵ R. Cline. Op. cit., 76.

Руководство ведомства к середине пятидесятых годов погрузилось в размышления весьма тягостного свойства. Розницкий, один из руководителей засылки агентуры в СССР по воздуху, подвел итог:

«При ретроспективном взгляде нетрудно подвести итог ударной программе заброски агентов: результаты не оправдали затрат... Я имел беседу с новым директором ЦРУ (А. Даллесом). Проанализировав результаты со времен первой выброски в 1949 году, он задумчиво прокомментировал: „По крайней мере, мы получаем опыт, необходимый для следующей войны“. А эта война для него, как для многих других в Вашингтоне, была близка. Заброска агентов с радиопередатчиками по воздуху практически прекратилась в 1954 году. Дело было не только в том, что потери и затраты были слишком высоки... Незаконные нарушения советского воздушного пространства были сочтены тем, чем они всегда были, – прямой провокацией»¹⁴⁶.

Отчего вдруг в ЦРУ вспомнили о «законности», в данном случае о международном праве? По многим причинам. Какие бы соблазнительные аналогии руководство ЦРУ ни проводило в соответствии с преобладавшей тогда в Вашингтоне теорией о «тоталитарной модели» социализма, печальный, чисто эмпирический опыт – провал американских агентов – указывал на другое: морально-политическое единство советского общества. Их судьбы были куда красноречивей, чем

¹⁴⁶ Н. Rositzke. Op. cit., pp. 37 – 38.

болтовня «советологов», начавших размножаться в то время в США в академической общине. По всей вероятности, не теоретические споры, а практика ЦРУ именно в это время показала, что направление в «советологии», разрабатывавшее «тоталитарную модель» социализма, является тупиковым. Адепты его были вынуждены переквалифицироваться, сочинять иные теории.

Главное, однако, заключалось в том, что в августе 1953 года Советский Союз разработал термоядерное оружие. Причем транспортабельный образец появился у нас раньше, чем в Соединенных Штатах. Это не могло не потрясти американских политиков и стратегов.

С. Сульцбергер, корреспондент «Нью-Йорк таймс», в 1954 году встретился с американским послом в Англии Д. Брюсом. Ветеран УСС Брюс доверял Сульцбергеру, которого хорошо знали в ЦРУ. Брюс обрисовал в беседе с ним заботы американского комитета начальников штабов:

«Концепция Радфорда (председатель комитета. – **Н. Я.**) состояла в том, что нынешнее относительное превосходство США ускользает, и русские выигрывают с каждым годом, сохраняя свои преимущества в области обычных вооружений и догоняя по новым видам оружия. Следовательно, согласно мнению ряда теоретиков необходима превентивная война»¹⁴⁷.

Одно дело разговоры о войне, планирование ее, но термо-

¹⁴⁷ С. Sulzberger. A Long Row of Candles, Toronto 1969, p. 1023.

ядерная война! Р. Никсон записывал обмен мнениями на заседании Национального совета безопасности 25 марта 1954 года:

«Обсуждалась стратегия США в случае большой войны с Советским Союзом. В комитете начальников штабов возникли разногласия по этому поводу. Президент высказался так пылко, как я никогда не слышал его. Он указал, что это прежде всего прерогатива главнокомандующего. Он указал: единственный образ действия для нас – с началом войны добиться победы. Ни при каких обстоятельствах мы не должны сдерживаться в нанесении ударов из-за того, что кто-то считает, что тотальная победа создает-де больше проблем, чем добытая методами ограниченной войны. Он подчеркнул, что перед лицом врага, имеющего такие виды вооружения, не может быть и речи о ведении ограниченной войны. Дело идет о бомбах фантастической разрушительной силы, потери в первый день войны достигнут 7 миллионов, а на другой, возможно 8 миллионов человек».

Лидеры конгресса, прослышавшие о мрачных предсказаниях президента, явились к нему посовещаться, не пора ли ознакомить народ с ужасами термоядерной войны. Эйзенхауэр призвал крепить гражданскую оборону, что потребует времени. Сенатор Е. Милликин заметил:

«Ну, если дела так плохи, нам остается вымазать зады мелом и бежать как антилопы». Все присутствующие рассмеялись, однако смех Эйзенхауэра был невесел. Когда совеща-

ние возобновилось, он довольно сухо сказал: «У нас, пожалуйста, не будет времени мазать мелом зады, если они начнут сбрасывать бомбы, а мы не будем готовы»¹⁴⁸

¹⁴⁸ The Memoirs of Richard Nixon, pp. 377 – 378.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.